

«ЖИВАЯ ПАМЯТЬ»

**ФГБОУ ВО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»
КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ**

«ЖИВАЯ ПАМЯТЬ»

**Сборник статей, посвященный
Т. Н. Лепоринской и П. А. Моисееву**

Пермь, 2021

УДК
ББК
Ж66

*Рекомендовано к изданию РИС Пермского государственного института культуры.
Протокол № 1 от 10.02.2021*

Ответственный редактор

Пащак И. В. – кандидат филос. н., доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры

«Живая память»: сборник статей, посвященный
Т. Н. Лепоринской и П. А. Моисееву / отв. ред. И. В. Пащак; Пермский
гос. институт культуры. – Пермь, 2021. – 116 с.

ISBN 978-5-91201-376-8

Сборник посвящен памяти к. истор. н., доцента Т. Н. Лепоринской и к. филос. н., доцента П. А. Моисееву, внесших значительный вклад в развитие кафедры культурологии и философии и Пермского государственного института культуры. Включает в себя воспоминания и статьи по актуальным вопросам гуманитарных наук.

ISBN 978-5-91201-376-8

© Пермский государственный
институт культуры, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
----------------------------------	----------

ЧАСТЬ 1. ВОСПОМИНАНИЯ

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЛЕПОРИНСКАЯ

Жуковская Т. Ф.

Воспоминания о Татьяне Николаевне (на материалах интервью)	7
--	---

Заметки о Греции	10
------------------------	----

Лобанов С. Д.

О Татьяне Николаевне.....	12
---------------------------	----

Пащак И. В.

Слово о Т. Н. Лепоринской.....	13
--------------------------------	----

Бородина Е. А.

Светлой памяти Татьяны Николаевны Лепоринской.....	15
--	----

Клягина Г. С.

Она для меня была старшим товарищем	16
---	----

Пащак М. А.

Воспоминания о Т. Н. Лепоринской	17
--	----

Ярушина К. А.

Записки культуролога. Татьяна Николаевна.....	19
---	----

ЧАСТЬ 2. ВОСПОМИНАНИЯ

ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ МОИСЕЕВ

Моисеева А. А.

Кто такой П. А. Моисеев?	21
--------------------------------	----

Пащак И. В.

Замечательный человек.....	25
----------------------------	----

Дюкин С. Г.

Человек, в котором хотелось видеть друга. О Петре Моисееве.....	27
---	----

<i>Каменских А. А.</i>	
Памяти П. А. Моисеева	32
<i>Пащак М. А.</i>	
Воспоминания о П. А. Моисееве	34
<i>Ярушина К. А.</i>	
Записки культуролога. Пётр Алексеевич	36
<i>Болотова Е. В.</i>	
Обрывочно, светло и искренне.....	39

ЧАСТЬ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Моисеев П. А., Моисеева А. А. публикатор</i>	
Детективный жанр и понятие чуда (Из архива П. А. Моисеева, 2018 год)	42
<i>Моисеев П. А., Моисеева А. А. публикатор</i>	
Детектив и Майн Рид (из архива П. А. Моисеева, 2020 год).....	52
<i>Моисеев П. А., Моисеева А. А. публикатор</i>	
Мысли о детективе	62
<i>Казанков А. И.</i>	
Тайна самовозжигающейся лампы.....	79
<i>Лейбович О. Л.</i>	
Статус советской социологии в системе общественных наук в 1970–1980 гг.	88
<i>Мальцев К. А.</i>	
Роман «Улисс» Дж. Джойса: мифология города.....	104
<i>Крохалева А. П.</i>	
Христианская тема в творчестве современных пермских художников.....	108
Сведения об авторах	115

Вступительное слово

Все в этой жизни имеет смысл. Особенно смерть. Современный человек боится ее и гонит, как случайно приблудившуюся собачонку: смерть – ошибка. Врачей, властей... Мы пытаемся обмануть самих себя, игнорируя эту фундаментальную константу человеческого бытия. Вместо того, чтобы задержаться. Остановится. Подумать. Вспомнить.

Остановившись, можно почувствовать, что этот смысл – он всегда по ту сторону... Он там, где есть надежда на жизнь вечную и вечное прощение – и да воздастся каждому по вере его. И он здесь, где продолжают дела, начатые ушедшими от нас; где звучат сказанные (или написанные) ими слова; где остались те, ради кого они жили. Где совершается, и, мы надеемся, не перестанет совершаться чудо, имя которому – память. Не так давно мы потеряли двух хороших, светлых, разнообразно и богато одаренных людей – Татьяну Николаевну Лепоринскую и Петра Алексеевича Моисеева. Татьяна Николаевна прожила долгую жизнь, а Петру Алексеевичу оказалось отпущено оскорбительно мало времени. Но каждый из них оставил яркий, неповторимый след – в пермской культуре и в наших сердцах.

Доказательством этому может служить книга, которую Вы держите в руках. Помещенные в ней тексты – это меньшее из того, что мы могли сделать. И хотя посвящены они Татьяне Николаевне и Петру Алексеевичу, но адресованы, конечно, нам самим. Теперь это наша задача – «держать их живыми». Додумывать их мысли. Договаривать их речи. Завершать их работу. Поэтому сборник так и называется: «Живая память».

ЧАСТЬ 1.
ВОСПОМИНАНИЯ.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЛЕПОРИНСКАЯ

*Жуковская Т. Ф.,
с 1979 по 2005 гг. работала в ПГИК, преподавала зарубежную
литературу, на данный момент заместитель директора ЧОУ ПО
«Западно-Уральский горный техникум»*

Воспоминания о Татьяне Николаевне (на материалах интервью)

Знакомство

«...С Татьяной Николаевной я познакомилась в 1979 году, когда пришла работать в институт. Она тогда была деканом факультета культурно-просветительской работы. Дружеские отношения у нас сложились, когда я поступала в аспирантуру – мне надо было сдавать вступительный экзамен по истории КПСС. Я узнала, что Татьяна Николаевна ведёт курсы для будущих аспирантов...точно могу сказать: я слушала многих людей, училась у многих людей, но такого уровня преподавания не встречала. Каждый факт истории Татьяна Николаевна подавала, с точки зрения, уникального материала, рассказывая о личностях, которые эту историю творили. Столько информации о людях, которые принимали участие в событиях... Это было настолько объёмно, настолько интересно, что мы, аспиранты, забывали о том, что к экзамену готовимся, просто хотелось слушать и слушать. Тогда произошел переворот..., наверное, я это оценила, потому что сама росла как преподаватель... вот это мастерство, эти моменты, они были очень важны...я поняла, какого высокого класса может быть преподаватель. Можно называть факт и дать объективную информацию о нём, а можно давать объективную информацию через судьбы людей – участников этого события. Всё это приобретало другой интерес и другое понимание. Это не убавляло объективности информации, потому что как историк Татьяна Николаевна не могла перевести всё в личное взаимоотношение персонажей, но это давало какую-то интригу в понимании исторического события. В дальнейшем, когда я преподавала зарубежную литературу в институте, тоже уходила от биографии писателя как только перечня фактов, а пыталась раскрыть суть фактов через связи, взаимоотношения..., например, Арагон – французский поэт и писатель – был знаком со многими российскими модернистами начала века, в конце концов, он был женат на Эльзе Триоле, которая была сестрой Лилии Брик, а через этот факт мы выходим на Маяковского, который существенно повлиял на творчество француза. Это ведь другая подоплека тех событий, которая выражалась в творчестве...»

Характер

«- А в какой момент вы стали близко общаться с Татьяной Николаевной?

- Наверное, в последние лет 20... после того, как у Татьяны Николаевны не стало мамы. Я вот всегда говорю так: Татьяна Николаевна жила одна, но никогда не была одинока. Она очень самодостаточный человек. У нее была масса увлечений: она любила рукодельничать, рисовать, потом «заболела» кинезотерапией и с удовольствием дважды в неделю ходила заниматься в спортзал, иногда ей просто не хватало времени, чтобы все реализовать. С возрастом человек укрепляет своё личное пространство – не впускает в него лишних людей. Мы общались практически ежедневно, и, что интересно, нам это не надоедало. Это какой-то редкий день, когда мы не виделись... Ну и так получилось, что она меня выбрала.

- Вы сказали интересную фразу – что она вас выбрала. А вы особо не сопротивлялись?

- Ну, конечно, нет. Понимаете, в друзья не навязываются. Наверное, мы стали нужны друг другу. Но в силу того, что она была меня старше...

- От неё инициатива шла?

- Ну, скорее всего, да, так оно было...

- Какие черты характера вас привлекали в ней?

- На первое место, я бы поставила, её невероятную порядочность, интеллигентность. Затем, конечно, образованность. В самом высоком смысле этого слова, там возрожденческая образованность. Она была великолепным знатоком поэзии, часто неожиданно цитировала. Самая большая часть её архива – это выписки из разных книг, цитаты из стихов разных эпох – это просто колоссальное количество заметок, написанных красивым подчерком. Она же ещё бесконечно образовывалась, много читала... Я филолог, но она для меня многих писателей открывала, Прилепина, например... я что-то прочитала и успокоилась. А она во всём доходила до дна. Ей нужно было понять самую суть, познать глубину. Вот эта её черта – глубина человеческая, там просто дна не было... там столько уровней было, поэтому перечислять её черты можно бесконечно. Прежде всего, она красивый человек. Она как женщина красивая, как человек красивая...»

Путешествия

«Она была невероятная путешественница...она нам открыла Байкал, открыла Алтай. Не в том смысле, что мы не знали об этих местностях...

Я жила в Перми 20 лет, но, к моему стыду, не знала ничего про Чердынь. Мы с Татьяной Николаевной когда-то подрабатывали в колледже культуры, и нам надо было съездить в филиал колледжа, в Чердынь. Нет, что я поеду в какую-то деревню!? – думаю я. А Татьяна Николаевна: Вы что вообще никогда не были в Чердыни? И тут мне стало стыдно, я поехала в Чердынь. Это было где-то в середине 1980-х... теперь мы бесконечно ездим в Чердынь, гуляем по ней, живем на берегу Колвы. Чудное место! Масса у нас разговоров было на эту тему. С тех пор я просто заболела Чердынью.

Готовясь к путешествию, она методично, как и всё, что она всегда делала, разрабатывала маршрут: каким поездом ехать, как она поедет до Листвянки, как она поедет на маршрутке и т.д. Как человек, хорошо владеющий интернетом, досконально изучала всю информацию.

Она не любила шумные места, она любила уединение, поэтому и путешествовала одна, за исключением ежегодных путешествий на теплоходе, которые на протяжении 30 с лишним лет совершались в компании с ее старинной подругой Линой Михайловной. А мы потом, по её стопам, проходили эти маршруты, например, на Алтай ездили, на Соловки...»

Мечта

«...из зарубежных мест самой любимой была Болгария...мы с ней когда-то даже обсуждали идею купить домик в Болгарии. Когда мы с ней стали так дружны, что она уже настолько доверяла...она была готова жить там и, чтобы мы семьей мы тоже приезжали туда. Ради Болгарии она была готова и работу оставить ...»

Работа

«Последние года 2-3 она говорила: всё, ухожу с работы. Под конец учебного года она очень уставала и говорила: всё, больше не буду работать. Но когда подходило 1 сентября, Татьяна Николаевна, съездив в Болгарию или на Байкал, возвращалась и снова приходила в институт. Знаете, сказать, что она очень любила свою работу – это ничего не сказать. Она просто от этого получала удовольствие. И это не противоречило цели, ради которой она работала. Ей трудно было от работы отказаться. Порой, трудно было к 8 часам приходиться, и как-то уже не хотелось этого, но все компенсировалось тем, что она получала в аудитории. Знаю точно, что многие поколения выпускников ПГИК с огромным уважением помнят Татьяну Николаевну...»

Заметки о Греции

«...открыв для себя Грецию, Татьяна Николаевна вернулась домой и написала оду в стиле Гомера»

Жуковская Т. Н.

Итак, Эллада! Солнце бесконечно, и лишь оно одно – бесплатно,
А также море бесплатно, но не бесконечно – есть края,
Их видно с моего балкона.
Эгейское зовётся. Пенное и тёплое – как жаль мне Александра!
Ему б родиться в тундре – и цена походов была б иной.
Снега, морозы – тут не до Инда, до Волги бы дойти.
Какая слава! Накормить лошадок (читай – оленей) и шуб не потерять!
С героем всё понятно – вернёмся в Грецию: жара и нега.
Ленивый грек (великий воин в прошлом) живёт с туриста –
влагу продаёт, причём любую: в розницу и оптом – бутылками и морем
- Эгейским, как сказано...А что ещё? Развратен век и к сладостям влеком
Лови момент – уж тут не до походов. А боги Греции?
Махнув на всё рукой, подались в шоу-бизнес, не иначе
Простите Зевс и Гера, мою дерзость. Может и не так.
Задвинув плотно шторку облаков, влачите жизнь вы на своём Олимпе,
Забытые потомками героев. Вас тоже продают – открытки, бюсты,
плошки...
Где гром твой, Громовержец? Где, Посейдон, трезубец грозный твой?
Аид, повремени, к тебе не призываю. Молчите вы. Мудрость в ти-
шине – вы правы.
И я молчу, скучая на балконе, избитая тяжелою судьбою северянки,
Так рвавшейся на юг. Ужо тебе, ужо! Сидела б дома!
И ноги были бы целы и средства. Хвала тебе, Эллада!
Продолжу исповедь печальную мою. Простите, боги, к вам
Претензий нет – была предупреждена неоднократно. Ослушала,
За что терплю я муки эти, судьбу благодаря.
Быть может, вовремя остановилась в своём движении я по Элладе –
Кто знает, что ещё у вас запасено для выскочек и неслухов?
Молчу, молчу, не надо искушать судьбы – довольно.
Но кто мне скажет, что так хочется домой? В прохладу и дожди,

Конечно, к зайке. Как же без него? Опять я отвлеклась, хотела
В высоком слогe я сложить! Какое небо предо мною – голубое,
Немного облаков. Спасибо, веет ветер. Намного легче при ветре жить.
Дождя не будет, здесь так заведено – жить без него всё лето.
Басурмане! А как же снег в июне? Дождливый август?
Им, грекам, не дано понять такого счастья. Всё солнце и жара.
Жара и солнце. Море, правда, плещет, но слегка.
Куда ему до Крита! Ведь море там стихия, для которой и человек не нужен –
Безразличен. И это уважение рождает к морям и океанам.
Не всё сей бледный червь (и даже загорелый) создал, сломал, испортил,
Поглотил. Его я не люблю. Люблю я море, что у Крита,
С его движением вечным и мощною волной.
Там Посейдон живёт, на нём господствует. А здесь – в Эгейском
У него фазенда, которую он бросил – надоела.
И люди плещутся в корыте этом. Что ж, каждому – своё.
Ликуй, великий бог, в своём морском уделе. Пируй и празднуй дни свои!
Хвала тебе, Эллада!

*Лобанов С. Д., д. филос. наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и общественных наук (2001-2015)*

О Татьяне Николаевне

Обращение к memory studies с неизбежностью наталкивается на дилемму: насколько безошибочна память и сильно стремление идеализировать предмет памяти. Другими словами, ошибок здесь можно избежать только вспоминая все или ничего, что делает воспоминания невозможными, или, в лучшем случае, непубличными.

Институт культуры создавался идеологическим учреждением с задачей культмассовой работы. Здесь необходимо было бы вспомнить Владимира Андреевича Мальцева и Владимира Яковлевича Звездина, легендарных, без преувеличения, преподавателей г. Перми.

Кафедра, которая часто видоизменялась, прошла эволюцию от историко-партийного и научно-коммунистического прошлого к перестроечному состоянию. Любопытно наблюдать метаморфозу преподавателя, защитившего диссертацию о «последнем завещании В. И. Ленина», в мэтра «цифровой гуманитаристики». Закон конъюнктуры в действии. Говорят, «интернет помнит все». Все помнит и зал каталогов краевой библиотеки.

С Татьяной Николаевной этот процесс метаморфоз выглядел естественным, так, что в преподавании ею циклов этнографических дисциплин раскрывалась личность Татьяны Николаевны: её ум, жизнелюбие, открытость людям, методологическое мастерство. Сейчас очень часто молодые преподаватели «варятся в своем котле». Очень жаль, что Татьяна Николаевна с ее богатейшим опытом и мастерством не придет на помощь.

В одно время в институт на практику приходили студенты-философы ПГУ (ПГНИУ), которые с большим интересом посещали занятия Татьяны Николаевны.

У меня сохранились последние сообщения переписки с Татьяной Николаевной, где она пишет о светлом времени работы на кафедре.

Точно также у меня сохраняются самые светлые воспоминания о Татьяне Николаевне. Здесь следует молчать и нести этот свет, насколько это возможно.

Слово о Т. Н. Лепоринской

О хороших, замечательных людях важно и нужно говорить. О них говорить легко и одновременно трудно. Легкость в том, что есть желание, потребность высказаться о них, делится эмоциями. Трудность в том, что очень мало можно облечь в слова и выразить, примешивается и горечь о том, что человек ушел в иной мир, а наш мир покинул. Но сделаю то, что в моих силах.

С Татьяной Николаевной Лепоринской я познакомился в далеком уже 2009 году в институте культуры, куда я только поступил на службу. Мы встречались в стенах института, на заседаниях кафедры философии и общественных наук. Первое, на что я обратил внимание в Татьяне Николаевне, – это спокойствие, рассудительность, выдержка, независимость. Позже для меня стало очевидно, что она еще и очень мудрый человек. На заседаниях Татьяна Николаевна могла задать важный вопрос, сделать ценное замечание или добавление. Какие-то задачи, которые поручались ей, она воспринимала спокойно, положительно, как должное, «надо так надо».

Больше возможностей для того чтобы узнать Татьяну Николаевну появилось, когда мы стали вместе проводить студенческие весенние конференции «Актуальные проблемы философии и общественных наук» по нашей кафедре (они проходили в ПГИК в апреле). Вначале подготовка работы этой секции была коллективной, в ней участвовали преподаватели кафедры Железняк В. С, Аликина О. В., Заякин А. М. Позже по разным причинам мы продолжали работать уже вдвоем с Татьяной Николаевной. И мы считали это важным, обязательным, традиционным делом за которое несем ответственность. Татьяна Николаевна привлекала к участию в конференции и подготовке тезисов многих своих студентов (хореографов, культурологов, документоведов, библиотекарей и т.д.). Готовились выступления по истории, этнографии, традиционному костюму народов Урала, национальным обрядам и т.д. Например, в 2019 году под руководством Татьяны Николаевны студентами были подготовлены такие доклады как «Речной вокзал в г. Перми», «Здание епархиального женского училища в Перми», «Дом управляющего именем Строгановых в п. Ильинский» и «Памятник В. И. Ленину в Перми». Татьяна Николаевна проделала большую работу по подготовке сборника «Живая память», который составили тезисы студентов и сотрудников института о войне и семейные воспоми-

нения. Студенты писали работы по темам: «Роль музыки и песен в победе в ВОВ», «Советские женщины в годы ВОВ» и др. Дополнен сборник был и ценными, редкими фотографиями, письмами и документами из семейных альбомов наших земляков. Все это было скурпулезно собрано, обработано и опубликовано в сборнике. Это вполне можно считать наследием Татьяны Николаевны Лепоринской. Она полагала очень важным донести до студентов института живую историю Великой Отечественной, рассказать о подвигах, героизме нашего народа, наших солдат. Думаю, что это вполне удалось. Ту конференцию мы начинали с минуты молчания.

В полной мере свои человеческие и профессиональные качества Татьяна Николаевна проявила и в 2018 году, когда наш институт культуры проходил непростое испытание – аккредитацию. Татьяна Николаевна подготовила большое количество рабочих программ по своим дисциплинам. Вот, вероятно, неполный перечень таковых: «Регионоведение», «Этническая история Урала», «Культурное наследие Урала», «Традиционная культура народов Урала», «Этнология», «Этнография», «Этнография и танцевальный фольклор народов России», «Этнография и фольклор». Рабочие программы были подготовлены по ее очень специфическим, уникальным авторским предметам, литература по которым практически отсутствовала. Можно только позавидовать студентам, которым посчастливилось слушать лекции Т. Н. Лепоринской по этим предметам.

Вспоминается и то, что с Татьяной Николаевной было просто приятно беседовать на кафедре в перерывах, до или после занятий. Татьяна Николаевна всегда искренне интересовалась моими семейными делами, успехами супруги или здоровьем сына. А вот о себе она не любила или не считала нужным много говорить, никогда не слышал я от Татьяны Николаевны жалоб.

Из профессиональных качеств Татьяны Николаевны хотелось бы назвать глубину знаний, высокую культуру, чрезвычайную грамотность. Из человеческих качеств – доброту, трудолюбие, отзывчивость, чуткость. Татьяна Николаевна была очень светлым человеком. Ей было свойственно и тонкое, эlegantное чувство юмора, что также немало говорило о высокой культуре этой замечательной женщины, человека и учителя.

Татьяна Николаевна любила путешествия. Особенно дорог для нее был Алтай. Летом Татьяна Николаевна предпочитала отдыхать именно там, с удовольствием делилась своими впечатлениями.

С уходом Татьяны Николаевны я потерял верного и надежного учителя и союзника, думаю, не будет преувеличением сказать, что это большая потеря для кафедры и для института культуры.

*Бородина Е. А.,
старший преподаватель кафедры культурологии и философии*

Светлой памяти Татьяны Николаевны Лепоринской

*Мы всегда думаем,
что смерть это не про нас и не рядом...*

С Татьяной Николаевной я познакомилась пятнадцать лет назад, юной студенткой на лекциях по дисциплине «Культурное наследие Урала». Память стерла подробности курса, но я отчетливо помню, с каким воодушевлением Татьяна Николаевна рассказывала нам о Перми и Пермском крае.

Спустя годы я пришла работать на кафедру культурологии, где уже долгое время трудилась Татьяна Николаевна. В тесной преподавательской второго учебного корпуса мы общались в перерывах между занятиями. Проницательный, цепкий взгляд и меткое слово всегда были наготове у Татьяны Николаевны.

Помню, мы обсуждали новый роман одной известной российской писательницы, чьей давней поклонницей я являюсь. Татьяна Николаевна высказала свое мнение, идущее вразрез с прессой и критикой, обосновав его...но не жестко, а мудро: спокойно и с достоинством. Это произвело впечатление. Рассудительность и доброта, тонкое чувство юмора, жизнелюбие – вот самые точные характеристики этой замечательной женщины.

А какие кулинарные таланты были у Татьяны Николаевны! Сдобные пироги, долма, да, наверное, много блюд умела и любила готовить Татьяна Николаевна. За чашкой свежемолотого кофе, из миниатюрной коробочки, которая была всегда при ней, дискутируя и дегустируя, пролетали наши короткие встречи.

В память о коллеге я храню милую книжечку «Бальзак и маленькая китайская швея» Дая Сиджи, которую со словами: «Ну, вы ж читатель!» – подарила мне Татьяна Николаевна.

*Клягина Г. С.,
специалист по учебно-методической работе деканата художе-
ственно-педагогического факультета, ПГИИК, 2001–2012*

Она для меня была старшим товарищем

...Я познакомилась с Татьяной Николаевной в 1976 году, когда училась в институте культуры. Она вела у нас историю СССР, потом историю КПСС...К ней можно было по любому житейскому вопросу подойти – она всегда даст совет хороший...Татьяна Николаевна студентам очень помогала, тем более бывшим студентам...

...в 1999 году я пришла работать в институт. Сначала работала на кафедре, а потом освободилось место в деканате художественно-педагогического факультета. Я работала методистом до 2012 года. И вот там, в процессе работы, в процессе составления расписания, мы на личные вопросы начали общаться. Она спрашивала про меня, как у меня дочка, как, что...я её ни о чём не спрашивала – это неудобно. Знаю, что она жила в районе Комсомольской площади и занималась, в основном, работой, но любила и путешествовать: на юг или за границу.

...Душа у неё была широкая, добрая. Она уважительно относилась к студентам, со всеми вежливо общалась. Татьяна Николаевна была очень улыбчивой, весёлой, дружила со своими коллегами. От других она отличалась добротой, ей было интересно всё узнать о человеке. Она часто подходила ко мне, что-то спрашивала, мы с ней пили кофе, какие-то разговоры начинались. Мы с Татьяной Николаевной были коллегами...даже не так, товарищами. Она для меня была старшим товарищем.

Татьяна Николаевна как-то сказала интересную вещь студентам: если вы устали, то сядьте в автобус, который отвезёт вас в сторону Гайвы, в сосновый бор. Погуляйте там, поразмышляйте, вы приедете совсем другими.

Когда я ушла из института, мы перестали общаться с Татьяной Николаевной. Я совершенно случайно узнала о том, что её не стало...Она мне как-то приснилась: как есть, без всяких действий, просто её увидела. И на следующий день мне передали эту страшную новость. Может быть, она попрощаться приходила...Светлая память, Татьяна Николаевна...

*Пащак М. А.,
специалист УМККОД ПГИК*

Воспоминания о Т. Н. Лепоринской

Мы познакомились с Татьяной Николаевной Лепоринской в 2016 году, когда я начала работать в учебном отделе института культуры. Я сразу же почувствовала симпатию к ней. Добрая, интеллигентная, с невероятным чувством юмора, интересная и немного строгая, впрочем, каким и положено быть человеку ее профессии.

Мы сразу нашли с ней общий язык. Беседовали на любые темы. Одной из самых обсуждаемых нами тем были путешествия. Татьяна Николаевна много путешествовала и любила вспоминать об этом в своих рассказах. Особенно любила горный Алтай.

Однажды она даже подарила мне магнит на холодильник, привезенный с Алтая. Вообще мне посчастливилось получить от нее в дар несколько необычных вещей: кулон, серёжки, заколки и резинки для волос, новогодние игрушки на ёлку и много других приятных мелочей.

Мне всегда было крайне неловко принимать от нее такие подарки, но сейчас я храню их как память о ней. Она была очень щедрым человеком. Со своей стороны, я, конечно, тоже старалась в ответ угощать ее различными сладостями и что-то дарить, однажды привезла ей в подарок сувенирную тарелку из Челябинска. Ей было приятно. Она сказала, что очень рада, что я про нее не забыла.

В перерывах между ее занятиями мы с ней общались, пили кофе. Иногда к нам присоединялись другие коллеги. Она что-нибудь рассказывала, шутила. Ее было очень интересно слушать. Я часто думала, а как было бы интересно походить на её занятия, послушать ее лекции. К сожалению, так и не довелось...

Последним ее подарком мне стал абонемент в бассейн. Татьяна Николаевна увольнялась из института, ей предстояла операция и восстановление после операции, как она мне объяснила, в связи с чем, она не могла воспользоваться купленным ею абонементом. И она решила подарить его мне, так как я на тот момент была в приятном положении и купание пошло бы мне на пользу.

Как мне было неловко и грустно принимать от нее этот подарок! Но я приняла по ее настоянию и воспользовалась им. Удивительно то,

что такой подарок она решила вручить именно мне. Кто я для нее? Просто сотрудник в институте. Даже не коллега по кафедре. И уж тем более не родной человек. А были ли у нее родные люди? Она ни разу о них не рассказывала. Всегда с любовью описывала своего кота Прошу. Рассказывала много интересных историй о нем, говорила, что он ведёт себя как человек. Она чувствовала в нем родную душу и жила с ним как с человеком...

Рассказывала, конечно, и о своих приятельницах, которые приходят к ней в гости, но никогда не называла их имен. А слов «дети», «супруг», я, к сожалению, ни разу от нее не слышала.

Татьяна Николаевна навсегда останется в моем сердце. Она и сейчас стоит у меня перед глазами. Смотрит на меня, улыбается, поправляет причёску. На груди приколата очередная красивая брошь. На руке браслет. На глазах тёмные очки. Она говорит мне: «Ну что, пойдём, поработаем» и уходит к студентам читать лекции. А я остаюсь с блуждающей улыбкой на лице. Ведь только что я поговорила с замечательным человеком и зарядилась энергией на весь день.

*Ярушина К. А.,
зав. кабинетом кафедры культурологии и философии ПГИК*

Записки культуролога. Татьяна Николаевна

Когда я думаю о Татьяне Николаевне Лепоринской, первое, что приходит на ум – величественность. Это не гордость, холодность или высокомерие, такого в ней не было. Статность и плавность движений, размеренная речь, уверенный взгляд, интеллект и чувство собственного достоинства в совокупности конструировали величественность, которая не отталкивала, а наоборот – притягивала к себе. Татьяна Николаевна была улыбчивой, легкой и приятной в общении. Она могла поддержать разговор на любую тему: от достопримечательностей Риги и красот Байкала до удачных кулинарных рецептов и актуальных новостей. Работая много лет в системе образования, она оставалась органично вписанной в современные реалии благодаря эрудиции и готовности познавать новое. Татьяна Николаевна с лёгкостью разрабатывала новые учебные курсы, издавала учебные пособия, ежегодно организовывала секцию студенческой научной конференции.

Вспоминая наши рабочие будни, я не могу не отметить определённый подход к трудностям, свойственный Татьяне Николаевне. Мне кажется, он звучал так: «победить, и глазом не моргнув». Однажды, у неё случилась проблема с жестким диском компьютера. В результате все презентации по дисциплине «Этнография и танцевальный фольклор народов России» оказались утеряны. Что сделала Татьяна Николаевна? Она не только заново создала необходимые материалы, но и превратила эту неприятность в комичную историю, с улыбкой рассказав о ней коллегам. Также непринуждённо Татьяна Николаевна справлялась с написанием рабочих программ в период аккредитации института. В то время, как многие с трудом разбирались в тонкостях составления методических комплексов, она одной из первых сдавала всю необходимую документацию.

Целеустремлённость, чувство юмора и любовь к путешествиям – лишь легкие штрихи к портрету Татьяны Николаевны Лепоринской. Человека, посвятившего всю свою жизнь преподаванию.

ЧАСТЬ 2.
ВОСПОМИНАНИЯ.

ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ МОИСЕЕВ

*Моисеева А. А.,
супруга П. А. Моисеева;*
к. филол. н., доцент кафедры русской литературы ПГНИУ

Кто такой П. А. Моисеев?

Кто такой Пётр Алексеевич Моисеев? Поиск на «Яндексе» (после подборки материалов о советском ихтиологе-однофамильце) выдаст информацию о том, что это «филолог, искусствовед, редактор, критик. Кандидат наук, исследователь творчества Диккенса, вопросов истории и теории детективного жанра. Автор монографии «Поэтика детектива», двух учебно-методических пособий, свыше 70 научных статей. Публиковался в журналах и на литературных сайтах», (в частности, сотрудничал с интернет-порталом «Год литературы»).

Для жизни длиною в 41 год 5 месяцев и 10 дней это достаточно много. Тем более что можно было бы добавить, составляя биографическую статью, и другие его характеристики: «историк философии» и «знаток богословия» (поскольку кандидатскую диссертацию он защитил всё-таки не по творчеству Диккенса или теории детективного жанра, а на тему «Концепция Абсолюта у Дионисия Ареопагита», а третий из полученных им красных дипломов от 23 декабря 2011 года подтверждает квалификацию «Эксперт в области теологии»), «переводчик» (им впервые были переведены с английского языка произведения ОстинаФримена «Красный отпечаток большого пальца» и Анны Кэтрин Грин «Дом в тумане», «Аметистовый ящичек», «Рубин и котёл»), «преподаватель» (в разное время преподавал фактически во всех вузах города Перми, кроме, разве что, медицинского, хотя большая часть его преподавательской деятельности была связана, конечно же, с Пермским государственным институтом культуры (ПГИК), в котором он проработал в общей сложности почти десять лет).

Наверное, для того, чтобы понять, каким образом могла сформироваться личность столь разносторонне развитая, следует сказать несколько слов о семье П. А. Моисеева, проживающей в Новосибирске, откуда сам он уехал в Пермь из-за поступления в аспирантуру по специальности зарубежная литература при Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ): тема завершённого, хотя, к сожалению, так и не «защищённого»

и неопубликованного монографического исследования — «Онтология художественного мира ранних романов Диккенса».

Его отец, Моисеев Алексей Георгиевич, кандидат физико-математических наук, в этом году отпраздновал своеобразный профессиональный юбилей: 50 лет научно-педагогической деятельности. На настоящий момент он работает в должности доцента кафедры прикладной и теоретической физики Новосибирского государственного технического университета, является автором диссертационного исследования «Использование свойств симметрии и трансформации операторов для исследования излучающих систем» (1981 г.), 92 научных статей и трёх учебно-методических пособий: сын совсем немного не успел догнать его по количественным показателям научно-исследовательской продуктивности, хотя вряд ли когда-либо сознательно задавался этой целью. Он всегда с большим интересом и уважением относился к отцовской деятельности, неоднократно перечитывал подаренные им книги из серии «Жизнь замечательных людей» о судьбах великих физиков и математиков, консультировался с ним по поводу разработки курса «Концепции современного естествознания», предложенного Петру Алексеевичу, если не ошибаюсь, в период его сотрудничества с кафедрой философии Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ).

Мать, Галина Дмитриевна Моисеева (до замужества — Благовещенская), несмотря на математическое образование, в большей степени отвечала в семье за развитие любви к искусству. И это неслучайно, поскольку её родным дедом по материнской линии был талантливый художник Иван Дмитриевич Самгин, ученик великих русских передвижников (в частности, В. А. Серова и В. Д. Поленова), многие живописные и графические произведения которого сохранились в семье и успели оказать влияние на эстетическое развитие уже не одного поколения потомков. В 2014 году персональная выставка его работ была организована в Новосибирском государственном художественном музее и для широкой публики.

Любовь к живописи гармонично соединилась в семье с любовью к музыке. Сама Галина Дмитриевна, мать троих детей, всю жизнь, пока позволяло состояние здоровья, посвящала немногие часы досуга игре на скрипке. Даже выйдя на пенсию, продолжала играть в самостоятельном

симфоническом оркестре ДК «Академия» г. Новосибирска. В настоящий момент, к сожалению, она уже не имеет возможности заниматься любимым делом сама из-за болезни позвоночника, однако по-прежнему проявляет живой интерес к новостям культуры, слушает классическую музыку в записях, поддерживает общение с людьми искусства, в частности, ведёт интернет-переписку с Алимом Анвяровичем Шахмаметьевым, главным дирижёром Филармонического камерного оркестра Новосибирской государственной филармонии.

Её старшая сестра, известный в Новосибирске кандидат искусствоведения Лариса Дмитриевна Благовещенская, является представителем одной из редчайших профессий — музыковед-кампанолог, специалист по колокольному звону. Она многократно выступала в качестве консультанта по вопросам восстановления исторических звонниц православных храмов, является автором исследовательских работ «Колоколья с подбором колоколов и колокольный звон в России», «Былое и думы, или Как это было. Колокола», «Звоны России: опыт тематических концертов», «Колоколья — музыкальный инструмент», «Колокола в современной музыке: обзор нотографии».

Подающим большие надежды контрабасистом был горячо любимый младший брат Петра Алексеевича, Вениамин Алексеевич Моисеев, Веня, трагически ушедший из жизни в возрасте двадцати шести лет. Записи его выступлений до сих пор, при желании, можно найти на YouTube, хотя прошло уже одиннадцать лет с его ухода. Следует отметить, что музыкальная школа была пройдена до конца и остальными Моисеевыми-младшими: сестра Анна, впоследствии ставшая архитектором, закончила её по классу «виолончель», а сам Пётр Алексеевич — по классу «скрипка», как мама.

«Сын своих родителей», наверное, не то определение, которое идеально подходит для официальных биографических справок, но оно даёт кое-что важное для понимания характера человека. Семья очень многое значила для Моисеева П. А., он, с одной стороны, всегда искренне заботился о сохранении её прошлого, семейной памяти, сведений, оставшихся о предках, с другой — прилагал все усилия для обеспечения её будущего: сложно представить более нежного, заботливого, ответственного мужа и отца, чем он. Работая, как правило, в нескольких местах по совместительству, по полночи готовясь к ближайшим

лекциям и практическим занятиям, он всегда находил время для собственных детей. Водил дочь и сына с двухлетнего возраста во все театры, кинотеатры и музеи города Перми, на занятия в кружки и секции, самолично читал им книги и развивающие журналы, включал музыкальную классику в адаптации для детей по несколько раз на дню и даже научился печь для них любимые оладушки. Очень хочется верить, что этого огромного запаса любви и вложенных в их воспитание сил Ульяне и Василию будет достаточно для того, чтобы и про них когда-нибудь сказали, что они достойные дети своего отца.

Наверное, можно найти ещё много вариантов ответа на вопрос, кто такой был Моисеев Пётр Алексеевич: для кого-то хороший друг, для кого-то интересный собеседник, коллега, наставник, — вероятно, много кто ещё. Каждый из этих вариантов по-своему важен и нужен. Не менее важно соединить их все вместе, чтобы увидеть его ещё раз, целиком и полностью. И запомнить, потому что он был и остаётся, в первую очередь, человеком, который заслуживает этого.

*Пащак И. В.,
к. филос. н., доцент
кафедры культурологии и философии ПГИК*

Замечательный человек

Ищу человека

Диоген Синопский

Светлой памяти П. А. Моисеева

На своем жизненном пути мы встречаем многих людей. Большая удача, когда встречаешь хорошего, доброго, интересного человека. Замечательного человека. Я хотел бы поделиться своими воспоминаниями о Петре Алексеевиче Моисееве, который, безусловно, был именно таким человеком.

Не могу сказать, что я был знаком с Петром Алексеевичем близко, вероятно, мне был известен лишь один из внешних «пластов» его богатой личности и внутреннего мира. Но все же я рад, что мы были коллегами, встречались, беседовали. Это тоже дорогого стоит.

Познакомился я с Петром Алексеевичем где-то в 2011 году в институте культуры и искусства (так назывался тогда наш ВУЗ) на кафедре философии и общественных наук. Помнится, состоявшаяся тогда поездка наших сотрудников для повышения квалификации в небольшой город Шуя (Ивановская область). От института поехали на курсы в глубинку России несколько молодых, перспективных, как принято говорить, преподавателей. До места назначения мы добирались разными дорогами и поездками, вспоминаю, что Петр Алексеевич ехал каким-то своим индивидуальным маршрутом, так что встретились мы уже в Шуе. Днем слушали лекции местных профессоров по вопросам герменевтики и доклады молодых ученых, которые собрались со всей России (Иваново, Кострома, Киров и др.). По вечерам мы пили чай и беседовали на кухне в общежитии Шуйского университета, участвовал в этих беседах и Петр Алексеевич. Правда, тогда он особо о себе не говорил и слишком активно в разговорах не участвовал. На тот момент Петр Алексеевич еще оставался загадкой для меня, немного даже «вещью в себе». Таковы были первые впечатления.

Запоминается лучшее. Помнятся встречи с Петром Алексеевичем в коридорах института (как правило, это был 2 корпус), на заседаниях

кафедры. Он оказался очень интересным, образованным, остроумным, немного ироничным человеком. Ирония Петра Алексеевича была исключительно доброй. А иногда на ее месте появлялся тонкий юмор, который является достоянием людей интеллектуальных, высокой культуры. У меня возникло уважение перед глубокими, обширными знаниями Петра Алексеевича по истории, литературе, языкам, философии. Чувствовалось, что за этими знаниями стояла большая работа, серьезный труд. Мне не довелось слушать лекции Петра Алексеевича, но, уверен, что это были очень интересные и полезные занятия для студентов. Известна была повышенная требовательность моего коллеги к последним, но это, по моему мнению, было следствием настоящего профессионализма. Петр Алексеевич желал, чтобы его предметы были усвоены студентами в полной мере. Обучение не должно было быть формальным.

Но недостаточно, как мне представляется, быть профессионалом и интеллектуалом, важно быть человеком. С нашим героем было приятно по-человечески общаться, беседовать, на него можно было положиться. О чем мы говорили? Об институтской жизни, занятиях, студентах, литературе. Петр Алексеевич всегда интересовался моими новостями, семейными делами, интерес был искренний. Он никогда не забывал передать привет моей супруге Марии и сыну Владимиру (Владимиру Игоревичу, как выражался он). Мне будет не хватать этих бесед.

Много сил, энергии и таланта было вложено Петром Алексеевичем в журнал «Культурный код», в редакторскую работу. Однажды он попросил меня написать рецензию на статью по философии Платона. Это был полезный опыт для меня.

Последний раз мы увиделись с Петром Алексеевичем за день до его ухода на улице рядом с ТЦ Алмаз, где он пил кофе из пластикового стаканчика. Мы поговорили немного о конференции, которая проходила в октябре в институте. Он был весел, бодр и как всегда жизнерадостен. Я благодарен Богу, что мы в тот день не разминулись.

Хочется поблагодарить Петра Алексеевича за его профессионализм, самодисциплину, труд, творчество, за душевную щедрость (которую редко встретишь сейчас), а его семье пожелать терпения. Супруга Петра Алексеевича Анна помогла мне в подготовке данного сборника. Его добрые свершения не будут забыты. Он был *Замечательным человеком!*

*Дюкин С. Г.,
к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК*

Человек, в котором хотелось видеть Друга. О Петре Моисееве

Петр Алексеевич любил обращаться к окружающим, в том числе к коллегам-ровесникам, по имени-отчеству и на Вы. Иногда, упоминая кого-либо в третьем лице, мог ограничиться только отчеством – «Петровна», «Иваныч», «Николаич», что было признаком уважения и какого-то особого доверия как к тем, о ком он говорил, так и к тебе самому. Я на кафедре был единственным, с кем Петр Алексеевич был на «ты». Дело было не в особом доверии ко мне, а в том, что познакомились мы с Петей, как я бы хотел его впредь называть до того, как он появился на кафедре. Его представила нам с моей женой Ириной ее подруга Аня Куневич в качестве своего друга, бой-френда, жениха (как выяснилось вскоре). Я отлично помню тот момент, это взаимное знакомство у входа в кинозал «Триумфа», где проходил какой-то фестиваль. Петя выглядел как настоящий ученый с картинки, или из фильма – очки, борода, строгий костюм, и даже легкое гроссирование добавляло шарма в его образ человека из академической среды. Ему бы обязательно польстила такая идентификация. Петя любил ученое сообщество. Потому даже внешне стремился соответствовать представлениям об ученой среде. Он часто надевал строгий костюм, обязательно с галстуком. Если же летом ограничивался рубашкой, то обязательно застегивал ее на верхнюю пуговицу. Это добавляло строгости в его образ. При этом сам он был человеком совсем не строгим, а добродушным и располагающим. Взгляд Пети, выражение его лица настраивали на то, что перед Вами друг, надо просто подойти и заговорить.

Петр приехал в Пермь, чтобы поступить здесь в аспирантуру на кафедру английского языка и литературы. Он планировал написать вторую кандидатскую диссертацию и получить дополнительную ученую степень кандидата филологических наук. Кандидатом философских наук он к тому моменту уже был, защитив диссертацию по религиозной философии после обучения в аспирантуре в Новосибирском университете. Новосибирск – родной город Петра Алексеевича. До появления в Перми и встречи с Анной Александровной Куневич (будущей женой)

о переезде из столицы Сибири он не помышлял. Знаю, что Новосибирск он любил. Правда, как-то в полушутку признался, что в Перми ему комфортнее, чем на родине, поскольку Пермь меньше Новосибирска, а шум больших городов ему не по нраву.

Познакомившись с Аней на занятиях по подготовке к сдаче вступительных экзаменов в аспирантуру, он понял, что Перми суждено стать его второй родиной. Через некоторое время Петя и Аня поженились. Помню, что погода в день свадьбы была отвратительной, - дождь, ветер, холод. Все говорили, что это к долгой и счастливой семейной жизни. Счастливой она была. Долгой не получилось. Молодые супруги поселились вместе с родителями Ани в большой квартире в центре Перми. Там они прожили все 15 лет своей семейной жизни.

Семьянином Петя был образцовым. Несмотря на абсолютную загруженность работой, он умудрялся, для меня непонятным образом, водить детей в школу и домой, ездить с ними на занятия в кружки и секции. Аня не без гордости рассказывала, что он и готовить успевал (и что немаловажно, - умел). Детей в семье было двое. Старшая – Ульяна. Младший – Вася. Петр настоял, чтобы оба ребенка пошли учиться в «английскую» школу. В этом сказалась его увлеченность английским языком и культурой. Петр Алексеевич был англофилом. Он зачитывался английскими писателями и засматривался английскими фильмами. Да, кстати, и в Пермь он приехал, чтобы поступить в аспирантуру и писать диссертацию по творчеству Чарльза Диккенса. Правда, вскоре он от этой идеи отказался, объяснив это тем, что нет особого смысла в обладании двумя кандидатскими степенями. «Лучше сосредоточиться на написании докторской», - сказал он мне, когда я его спросил о том, как обстоят дела со второй кандидатской.

Если бы не обилие аудиторной работы, ни семейные обязанности, Петр Алексеевич, вне сомнения, уже давно бы стал доктором наук. Позволяли и интеллект, и работоспособность. Его последнее серьезное научное увлечение было связано с детективом. В 2018 году у него вышла монография «Поэтика детектива», на эту же тему было опубликовано несколько серьезных статей в солидных научных журналах. В частных разговорах он мог случайно признаться, что катастрофически не хватает времени на занятия наукой. Но целенаправленно и подолгу на тяжелую жизнь никогда не жаловался.

К детективу у него была какая-то особая любовь, корни которой, я подозреваю, в англофилии. Но от Конан Дойля и Кристи Петр пришел и к российским, и французским, и прочим авторам жанра. Время от времени, мы могли поспорить о вкусах: я признавался Пете, что не люблю детективы. Петр Алексеевич, как человек толерантный и воспитанный не возражал, но при этом объяснял мне, что детектив – жанр серьезный, до конца почти никем не понятый, а потому традиционно относимый к массовой культуре. По его мнению, детектив – это часть серьезной настоящей литературы. Собственно, эту идею он и хотел донести в своих научных текстах, подвергая произведения жанра скрупулезному аналитическому разбору. Как-то я спросил у Петра: «Ну, неужели ты и Маринину, скажем, относишь к серьезной литературе?». На это он ответил, что творчество Марининой – не детективы, а производственные романы о буднях уголовного розыска с незначительной примесью отдельных детективных приемов.

Любил Петя детективы не только читать, но и смотреть. Своеобразным нашим с ним межличностным кодом был «Твин Пикс», который мы любили оба. В застольях он обычно всегда заказывал черный кофе, часто припоминая при этом агента Купера. По злой иронии судьбы, в тот самый момент, когда Пети не стало, я пересматривал «Огонь, иди со мной» и думал о том, что надо бы спросить при ближайшей встрече, что он думает об этом приложении к любимому им сериалу.

Помимо детективов Петр испытывал особую любовь к приключенческой литературе, той самой ее классике, которую советские дети прочитывали в 8-12 лет. Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид, Роберт Стивенсон. С них когда-то в детстве Петя серьезно и навсегда вошел в мир литературы. Поэтому они остались с ним навсегда. Собственно, последний наш с ним контакт, накануне того страшного дня состоялся именно на фоне имен Эдгара По и Майна Рида, бывших героями его доклада на конференции «Диалоги о культуре и искусстве».

С ментальной легкостью Петра Алексеевича, с его юношеской увлеченностью легкими литературными жанрами, казалось, не стыкуется его принципиальность преподавателя и экзаменатора. А вокруг этого его качества в вузах, где Петя работал, слагались легенды. Студенты поговаривали, что зачет у Петра Алексеевича Моисеева получить невозможно. При этом большинство сдавали с первого раза, да

и под пятерками на экзамене он тоже подписывался не редко. Между прочим, и это в данном случае самое главное, - студентов Петр Алексеевич любил. Любил юность, восторженность, тягу к знаниям, надежды, амбиции. Он умел говорить со студентами на их языке и учил говорить на своем. Однако если принимал зачет или экзамен, от студентов требовал показать реальные знания и понимание предмета. А от себя – требовательности и принципиальности. Поэтому некоторым приходилось являться на зачеты по два, три, а кому-то (и это не преувеличение) по десять раз. Сдача экзамена нередко доходила до комиссии. Комиссия, как правило, положительную оценку ставила. В институте культуры Петр Алексеевич слыл самым негибким и даже жестким (!) преподавателем. Пожалуй, это не заставляло студентов относиться к нему хуже. Они его любили. Мне кажется, там должна была быть и банальная влюбленность студенток в молодого и умного преподавателя. Хотя об этом я ничего не слышал. Было там и серьезное уважение умных студентов к истинному интеллектуалу. И в этом мне некоторые из них сами признавались. Тем более что, все равно, в конечном счете, зачеты и экзамены сдавались. Насколько я помню, никого из-за требовательности Петра Алексеевича из Вуза не отчислили. Сам он, объясняя свою повышенную требовательность, говорил, что ему порой психологически очень непросто отказаться ставить зачет или положительную оценку на экзамене, поскольку к студентам он обычно испытывает симпатию. «Но ведь они претендуют на высшее образование... Что-то они должны для этого сделать», - добавлял Петя. Крыть было ничем и хотелось брать пример. Получалось не всегда...

При этом я не понимал тогда, не понимаю и теперь, где он брал столько времени и насколько не жалел себя, чтобы возиться с каждым из должников, консультировать своих подопечных по курсовым и дипломным работам (их у него было много), просто готовиться к лекциям, да еще и наукой заниматься. Подозреваю, что Петя часто работал по ночам. Впрочем, никогда у него об этом не спрашивал. По выходным он часто ходил в Горьковскую библиотеку, обкладываясь там горами книг. Как-то мне довелось слышать, что «Петр Алексеевич живет в Горьковке». Отчасти это было правдой, поскольку его дом находился напротив библиотеки, в самом центре Перми. Большинство Вузов, в которых ему довелось работать, находились неподалеку. А поработать

ему довелось много где. Институт культуры, Высшая школа экономики, классический университет, Сельскохозяйственная академия, Технический университет, Духовная семинария – возможно, я вспомнил не все места, где преподавал Петр Алексеевич, живя в Перми. Помню, что однажды у него было одновременно пять рабочих мест. И в каждом из Вузов, вне зависимости от того, было ли это основное место работы, или совместительство, он работал «на полную катушку», не позволяя себе ни малейшей возможности для халявы.

Не исключая, что какие-то факты, упомянутые мной выше, не в полной мере соответствуют действительности. Что-то уже стерлось в памяти. Еще недавно казалось, что обо всем можно будет расспросить Петю еще бесконечное число раз. И когда-то настанет момент, когда с ним можно будет поговорить о серьезных вещах не в коридоре Вуза и, не случайно встретившись на улице...

P.S. Думаю, что когда эта книга выйдет в свет, у Пети уже будет трое детей. В апреле 2021 года у него должна родиться дочь.

*Каменских А. А.,
к. филос. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин
НИУ ВШЭ-Пермь*

Памяти П. А. Моисеева

Когда я познакомился с Петей Моисеевым? – Кажется, зимой или весной 2006 года, на перемене в преподавательской в одном из лесных корпусов Политеха. Он тогда только-только переехал в Пермь из Новосибирска, готовился к защите кандидатской. Мы о чём-то заговорили – и уже через пару фраз я оказался совершенно ошарашен, боясь поверить неожиданной удаче: здесь, в Перми, в лесу Студгородка, обнаружить человека, который разбирается в философии поздней античности по крайней мере не хуже, чем я сам! Это было счастьем. В эти полчаса между парами мы говорили о христианских гностиках (что? научный руководитель моего нового знакомого – тот самый Евгений Афонасин, который только что выпустил отличнейший том об античном гностицизме?), о теории эманаций в позднем неоплатонизме, об ономатологии Алексея Лосева и Павла Флоренского, о темах наших диссертаций – моей, недавно защищённой, и его, вот только готовящейся к защите... Словом, для меня, пермяка, знающего интеллектуальный мир за пределами города лишь по книжкам, екатеринбургской защите да шести-семи конференциям, на которые удалось к тому времени выбраться между постоянными тогда тремя, а то и четырьмя работами, это было почти невероятное и мгновенное узнавание вполне своего человека. Так завязалась наша дружба – встречи, звонки, разговоры обо всём на свете, но всё больше, конечно, о книгах, переводах, о готовящейся Петиной диссертации об апофатической ономатологии Псевдо-Дионисия. Помню, уже летом 2006-го сидел на кафедре философии в Политехе, писал на неё отзыв, а случайно оказавшийся рядом О. Л. Лейбович, смеясь, подсказывал необходимые ритуальные формулы...

Весной 2007 года мы одновременно подали заявки на участие в программе новосибирской школы по философскому антиковедению «Teaching Classics: Fundamental Values in the Changing World». Для меня с участием в этой школе (точнее, школах – за «Teaching Classics» последовала «Techne: Theoretical Foundations of Arts, Sciences and Technology in the Greco-Roman World») начался новый, растянувшийся на шесть лет этап жизни: по две недельных сессии в год, встречи с людьми, статьи и книги которых когда-то благоговейно читал в московской «Иностранке»,

лекции и семинары, переходящие в беседы, завершающиеся далеко за полночь... Петя, всегда сосредоточенный, до педантизма строгий в поисках верных формулировок при переводах текстов Платона или Теофраста – и дурачащийся как мальчишка в наших гуляниях по окраинам Бердска или лесам новосибирского Академгородка. Помню, как на одной из сессий школы, когда мы, её участники, жили в трюме пришвартованного к берегу Бердского залива теплохода, мы с Петей сидели в его каюте за переводом головоломных логико-математических фрагментов платоновского «Филеба», обсуждение которых было запланировано на следующий день. Платоновский текст открыт на его ноутбуке, словарь Дворецкого – на моём, бумажный кирпич словаря Вейсмана переходит из рук в руки. За три часа работы совместными усилиями переведены двадцать строк. Блестящий результат! На радостях мы запеваем дуэтом «В траве сидел кузнечик», наши товарищи принимаются стучать в стены из соседних кают, требуя прекратить безобразия. Сейчас, из двадцати первого года, те дни представляются недостижимым счастьем.

Так как-то и жили... После разгрома кафедр философии и культурологии в Политехе в 2008 году я оказался на философско-социологическом факультете в Госуниверситете, а Петя совмещал работу в Институте культуры с преподаванием на кафедре теологии при ПГНИУ и на кафедре гуманитарных дисциплин в пермской «Вышке». Кажется, в 2009-м вместе с нашим коллегой А. А. Тютюнниковым мы организовали на троих семинар по чтению классических греческих и латинских философских текстов – штудировали вместе с отважными студентами-добровольцами платоновский «Теэтет» и «Сентенции» Петра Ломбардского. Затея продержалась года два: студенты закончили университет и выпустились, а новых храбрецов не нашлось.

Когда мы поссорились с Петей? Да и ссорились ли вообще? Была размолвка в мае 2014 года, когда он вдруг принялся меня уверять, что в Украине «мы» ведём войну с Соединёнными штатами – и поразился моей довольно резкой реакции. В 2018 году он перестал отвечать на мои письма и не брал трубку, когда я звонил. Возможно, считал меня виноватым в том, что я не смог помешать его увольнению из Вышки... Не знаю. А сейчас и не узнаю, к сожалению. Что осталось? Память о давнем счастье, шок и обида (глупая, детская), когда узнал о его смерти: как же так? Мы же так и не поговорили по-человечески!.. Петя Моисеев – друг, с которым я не успел помириться.

Воспоминания о П. А. Моисееве

С Петром Алексеевичем Моисеевым мы познакомились в 2016 году. Он сразу произвёл на меня впечатление человека очень энергичного и жизнерадостного, куда-то все время бегущего, не сидящего на месте.

Несмотря на его бурлящую, кипящую жизнь, он находил время и для общения. В перерывах между занятиями забежал ненадолго отдохнуть, перемолвиться парой фраз.

Мне всегда было интересно с ним общаться. Это был человек невероятно разносторонний, с богатым внутренним миром и тонким чувством юмора.

Однажды он сказал мне: «Мария Анатольевна звучит как Мария-Антуанетта». Это было очень необычно.

Иногда он задумывался о чем-то и начинал что-нибудь рассказывать из своей жизни. О семье своей он никогда не говорил, но по нему было видно, что человек он семейный.

Часто Петр Алексеевич рассказывал анекдоты. Он знал их невероятное количество. И, конечно же, они всегда были на самом высоком интеллектуальном уровне, без тени пошлости, также как и его чрезвычайно тонкие шутки.

Бывало даже, что я не понимала какую-нибудь его шутку, связанную с произведением, которое я не читала, или фильмом, который я не смотрела. Он сразу понимал и начинал объяснять. Мне каждый раз становилось неловко от своего невежества. Хотелось поддержать с ним разговор на равных, но я была всегда очень далека от его уровня.

Тем не менее, он продолжал общаться со мной. Он не кичился своей образованностью и никогда не разговаривал со мной свысока, всегда был добр, учтив и галантен.

Но со студентами он был строг. Мне посчастливилось побывать на двух его лекциях по детской литературе. Я решила походить к нему на лекции, узнать побольше о книгах для детей, так как я готовилась стать матерью. Преподавал он материал достаточно интересно. Часто задавал вопросы студентам. Шутил. Но при этом он всегда слыл преподавателем очень требовательным, не терпящим невежества.

К себе он был не менее требовательным. В перерывах между занятиями, когда мы не были заняты разговорами, он доставал из своего портфеля книжку и читал. Он не мог тратить время впустую.

Таких людей как он, сейчас очень мало. Я очень уважала его как человека, как преподавателя, как собеседника. Мне было очень горько узнать, что его не стало. Что не будет больше наших бесед. Я больше не услышу его элегантных шуток. Не посмеюсь с ним вместе. Это очень большая потеря для нашего общества. Особенно для его семьи. Но он жив в наших сердцах. В наших воспоминаниях. Вечная и светлая ему память!

*Хитрый взгляд из-под очков
Карие глаза смеются,
Излучая то тепло,
Что где-то в сердце отдается
Он был не просто педагог,
А человек открытый, смелый
Верный слову своему
Наш Петр Моисеев*

*Ярушина К. А.,
зав. кабинетом кафедры культурологии и философии ПГИК*

Записки культуролога. Пётр Алексеевич

«Это вам не баран чихнул»¹: студенчество.

В 2010-х годах старшие курсы факультета культурологии пугали только что пришедших первокурсников таинственным словом «заруба». Смысл «зарубы» был не известен, но все говорили об её обязательном посещении. Завеса тайны приоткрылась на торжественном посвящении в студенты, когда мы увидели сценку о «зарубе». Выяснилось, что так называется «зарубежная литература», по которой обычно накапливаются долги. На сцене несколько актёров в образах старательных и настойчивых студентов сдавали зачёт или экзамен по «зарубе» суровому преподавателю то в зале библиотеки им. Горького, то в ночном клубе. Особо отчаявшиеся даже приходили в древнегреческих тогах, но преподаватель оставался непреклонным – вежливая фраза «увидимся на пересдаче» то и дело раздавалась на сцене. Тогда, я ещё не догадывалась, насколько актуальной окажется эта история.

Моё знакомство с «зарубой» состоялось в сентябре 2011 года. Помню, что в аудиторию спокойно зашёл невысокий мужчина в тёмном костюме. Помню его чёрные волосы, зачесанные на бок, чёрные усы и живой, добродушный взгляд. На том занятии Пётр Алексеевич спокойным размеренным голосом рассказывал нам о древнегреческой литературе, которая, оказывается, не ограничивается легендами и мифами в изложении Н. Куна. Также интересно прошёл и первый семинар по литературе. Он начался с вопроса: «Вы читали Овидия?». «Да, но немного, страниц 30» – несмело ответила я, решив, что этого количества страниц достаточно для выступления на семинаре. Пётр Алексеевич думал иначе: «Этого недостаточно для ответа, пожалуйста, читайте всё произведение». Он действительно давал возможность высказаться по поводу прочитанного материала только тем, кто отвечал на его вопрос «да». Такая принципиальность удивила и меня, и одногруппников. Но к следующему семинару мы уже старались читать все тексты от начала до конца.

Так началось знакомство группы с миром зарубежной литературы, проводником в который стала фигура Петра Алексеевича Моисеева. Он

¹ Высказывание Петра Алексеевича, услышанное на занятиях.

высылал списки книг, чьих авторов мы видели впервые, поскольку в школьную программу не входили произведения Пьера Абеляра, Франсуа Рабле или Чарльза Метьюрина. Семинары теперь проходили легко и живо, поскольку большинство старательно и увлечённо читало практически всё, что задавали на дом. Сейчас, спустя 10 лет даже не верится, что мы «осилили» литературный минимум значимых произведений от Античности до XIX века.

А экзамен, действительно, сдавался некоторыми моими одногруппниками достаточно долго. Они испытывали удачу по 5-7 раз в зимнюю и летнюю сессию, но сдали. Кто с помощью прочитанных книг, кто с помощью микро-наушника. Мне же доводилось всё сдавать с первого раза – попадался счастливый билет.

«Вот те напе, еж в томате»²: за пределами вуза.

После окончания вуза я несколько лет преподавала основы философии в информационном колледже. Осваивать роль педагога помогала, как ни странно, фраза, которую я неоднократно слышала от Петра Алексеевича. Каждый семинар по философии начинался с вопроса: «Вы читали...?» – далее следовала фамилия мыслителя – Декарта, Чаадаева или Сартра. Фраза помогала понять, с кем из присутствующих можно общаться по предмету семинара.

Интересно и то, что наши пути с Петром Алексеевичем, иногда, пересекались. Однажды, мы встретились на улице и непринуждённо обсудили работу, планы и книги. Его доброжелательность, открытость и лёгкость в общении органично сочеталась с эрудированностью и чувством юмора. Поэтому на мой вопрос «А можно с вами сфотографироваться?» последовал ответ «Да, конечно». Так в моём профиле Instagram появилась фотография с одним из самых строгих и обаятельных преподавателей института.

«Это будет не слишком большим хамством, если я попрошу Вас распечатать мой отчет...»³: коллеги.

Волею судьбы и отсутствием подходящих вакансий в феврале 2018 года, я оказалась на кафедре культурологии и философии в роли заведующей кабинетом – связующего звена между преподавателями и структурными подразделениями института. Петр Алексеевич тоже работал на этой кафедре, мы стали коллегами. Любые бюрократические вопросы с ним

² Цитата Петра Алексеевича из личной переписки.

³ Цитата Петра Алексеевича из личной переписки.

решались легко и непринуждённо, зачастую с использованием социальной сети «ВКонтакте». Он тогда начал заниматься журналом «Культурный код», поэтому периодически предлагал всем написать для этого издания статью и опубликоваться. Я так и сделала, но путь от создания текста до его принятия редактором был извилист. Пётр Алексеевич, ознакомившись с текстом, написал: *«Мое личное мнение – брать, но пока нет ответа рецензента. Если разойдёмся с рецензентом во мнениях – будем думать»*⁴. И действительно, рецензент предложил внести коррективы в мою работу. Потом второй рецензент указал на некоторые недостатки текста. В итоге, я трижды корректировала статью. Пётр Алексеевич был непреклонен – он настойчиво просил вносить предложенные правки. Причём, ему самому хотелось разобраться в деталях: почему я использую качественный метод исследования, в чём его особенности и преимущества. По образованию он был филологом, но его склонность к философским, искусствоведческим и культурологическим обобщениям выводила его за границы какой-то одной научной дисциплины. Погружение в темы гендерной культуры или геймерского сообщества осуществлялось не потому, что ему были отправлены статьи об этом, нет! Пётр Алексеевич был открыт к получению новой информации, ему это было, действительно, интересно.

«Подскажите, что можно почитать девочке 14 лет?» – однажды обратилась я к нему с личным вопросом. Через пару дней мне был выслан список из 15 авторов. Причём у нескольких авторов было указано несколько произведений. Так, выбор из множества книг сократился до 34 пунктов, а потом до повести Н. Геймана «Коралина». Как же циклично получилось: мы познакомились с Петром Алексеевичем на занятиях по литературе. И последний наш разговор тоже был посвящен ей.

Ход времени неподвластен человеку, единственное, что остаётся – ловить мгновения. Мгновения, запечатлённые в исторических, художественных или философских сочинениях дают возможность через обращение к прошлому лучше понять себя в настоящем. К счастью, у меня сохранились списки книг, высланных когда-то Петром Алексеевичем. Обратившись к ним, я смогу в любое время насладиться, действительно, качественным художественным словом. За это и многое другое я сердечно благодарна Моисееву Петру Алексеевичу – преподавателю с большой буквы и человеку с большим сердцем.

⁴ Там же.

Обрывочно, светло и искренне

Экзамен по литературе я пересдавала Петру Алексеевичу всего 3 раза, и закрыла сессию одна из первых!

Когда я училась в бакалавриате, курс зарубежной литературы длился у нас целых 4 семестра, сливаясь бурным потоком в итоговый экзамен и минуя все промежуточные аттестации. Это было страшно... Поэтому первым делом нам пришлось подружиться с Петром Алексеевичем, а вторым – договориться сдавать экзамен частями. Так началась наша с Ксенией (*ныне Ксения Андреевна Ярушина*) эпопея «зарубы».

Приходя на потоковую лекцию, я видела воодушевлённое лицо Петра Алексеевича, следила за его вкрадчивой и смущённо-обаятельной улыбкой, совершенно не понимая, о каких героях он повествует. И с каждой лекцией осознавала, что этот неподъёмный список книг к экзамену увеличивается. Но сколько бы Пётр Алексеевич ни улыбался и ни шутил, все понимали, что сдавать придётся со всей серьёзностью.

Вообще П. А. Моисеев пользовался репутацией «сурового препода». Удивительно то, как при миролюбивом характере он умел твёрдо стоять на своём и отправлять на пересдачу всех, кто не выполнил условия его экзамена, в том числе и меня. Сейчас, работая преподавателем, я боюсь спорить со студентами и портить им оценки своей категоричностью. Я боюсь, что в конце концов мне всё равно придётся идти на уступки, но с большими потерями. Пётр Алексеевич, кажется, не боялся ничего! Он имел своё мнение, которое никогда не менял и ни под кого не подстраивался.

Непутёвые студенты – это ещё ничего. То, как решительно он разворачивал авторов своими рецензиями вызывает во мне изумление и сдвленный смешок. Особенно потому, что эти авторы до сих пор помнят строгие рецензии, при случае рассказывают о них страшилки, но часто не знают, что их писал именно Моисеев! И чем больше я узнаю про его работу в институте, тем больше удивляюсь его смелости. Он не боялся отказывать, если статья, которую отправили ему в «Культурный код», не соответствовала требованиям. И не ленился при повторном рецензировании «заворачивать» тексты, если они не были

доработаны на совесть. А так ведь никто не делает. Все знают, что если несколько раз отправлять одну и ту же статью с правками, то рано или поздно рецензенту надоест с ней возиться, и он её пропустит. Но Пётр Алексеевич был принципиален – и, по-моему, это здорово.

Я не согласна с ним во многих моментах, особенно по части преподавания. Освоить тот объём материала и с той глубиной, какую он требовал – было невозможно в общем потоке пар. Мне кажется, единственное что может сделать преподаватель – это расширить горизонт и показать возможные направления, чтобы дальше ты сам мог выбрать свой путь. Но для Петра Алексеевича литература была самой жизнью, и потому так важна и упоительна. Как он относился к своему предмету и деятельности вызывает глубокое уважение.

Я бы не хотела, чтобы со временем его начали идеализировать, у него было достаточно своих неповторимых черт, не нуждающихся в приукрашивании. Мы с ним не были в близких дружеских отношениях, но при встрече, я была ему рада. Иногда я специально к нему не подходила, видя, как он увлечённо читает книгу – мне не хотелось разрушать идиллию.

С ним был связан ещё один забавный эпизод нашего студенчества, о котором он не догадывался. На 3-ем курсе института я и Ксения стали весьма популярны. Когда пришла пора экзамена по «зарубе», оказалось, что мы самые «начитанные». Я с грехом пополам смогла осилить около 10% от общего списка литературы, Ксюша почти половину. И, как говорил Пётр Алексеевич: «Это вам не баран чихнул!»

Обладая хоть какой-то информацией по средневековой литературе, мы вызвали немалый интерес у одногруппников – всё-таки экзаменационная точка включала в себя 4 семестра, около 200 произведений в списке – и нагоняла неподдельный ужас.

Чувствуя себя «на коне», мы решили давать маленькие лектории-консультации по предстоящему экзамену. Гвоздём программы выбрали «Декамерон». Ксюша с упоением читала его на парах, имеющих мало общего с литературой, и довольно громко пересказывала мне эти странные истории во время тех же самых малолитературных пар. В конце концов мы вычислили, что самые популярные сюжеты «Декамерона» – это прелюбодеяния и испражнения. Такие уж нравы у средневековья. Оба этих процесса приправлялись скабрёзными подробностями и нелепостя-

ми. Для полноты картины туда могли быть живописно добавлены жабы, бочки с вином, исподнее бельё – всё это причудливо перемешивалось и в самый неожиданный момент возникало в центре повествования. Например, сладострастная сцена двух любовников могла закончиться в бочке, где один из них так и останется сидеть при неожиданном появлении супруга. Скорее всего, потом в эту же бочку появившийся супруг спрячет и свою любовницу, и будут они там сидеть уже вдвоём. А позже кто-нибудь воспользуется этой бочкой вместо ночного горшка... Чего стоят фееричные сюжеты про состязания в полях по метанию фекалиями! И вот тут кстати, велик шанс, что попадут они именно в жабу.

Понимая, что пересказы этих новелл пользуются особой популярностью и шокируют всю группу, мы решили, что и сами можем создавать нечто подобное из перечисленных элементов... В конце концов, мы начали соединять их как пазл, не забывая взвинчивать градус непристойности и абсурда. Так в бочках из-под вина помещалось всё больше народу, а жабы становились всё более осквернёнными – и тоже запрыгивали в эти бочки!

И поскольку сочиняли мы хорошо, а «Декамерон» кроме Ксюши никто прочесть не успел, наши самолепленные новеллы пользовались не меньшим успехом, чем оригинальные. Так мы разделили славу Боккаччо! Самым интересным нам казалось сделать так, чтобы кто-нибудь, вытянув билет по «Декамерону», наивно обрадовался и начал рассказывать Петру Алексеевичу новеллы нашего сочинения... Ребята до сих пор не знают, где выдуманные, а где оригинальные сюжеты пересказанного им «Декамерона». И, признаться, я тоже.

Про эту затею Пётр Алексеевич так и не узнал. Почему-то забыли ему рассказать, а жаль – он бы оценил. У него было прекрасное чувство юмора. И шутить он любил.

Вот таким я запомнила Петра Алексеевича. Это моё восприятие, возможно, имеющее мало общего к нему самому. Но в конце концов все мы останемся только воспоминанием, и, по-моему, самое важное, чтобы оно было живым и искренним.

*С благодарностью за светлые воспоминания
Елена Болотова*

ЧАСТЬ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

*Моисеев П.А.,
к. филос. н., доцент
кафедры культурологии и философии ПГИК
Моисеева А.А., публикатор*

Детективный жанр и понятие чуда (Из архива П. А. Моисеева, 2018 год)

Вопрос о том, что такое чудо, не так банален, а ответ на него не так очевиден, как может показаться. Клайв Льюис связывает сущность чуда с понятием «внеприродного», под которым понимает «то, что мы называем Богом или богами»⁵. Позицию, согласно которой чудо невозможно, Льюис фактически отождествляет с детерминизмом: согласно этой позиции, абсолютно все процессы в мире (не исключая и те, что происходят в человеческой душе) носят закономерный и предсказуемый характер. Кроме того, такая детерминистская позиция подразумевает, по Льюису, веру в то, что природа имеет основание существования в самой себе. «Природоверие» полностью исключает веру в чудеса. Вера в Бога не обязательно подразумевает веру в чудо, но допускает ее, поскольку Бог, будучи Источником законов природы, Сам им не подчиняется.

Такое понимание чуда вполне естественно и ожидаемо; скорее всего, именно так понимает чудо большинство людей. При таком подходе синонимом слова «чудо», на первый взгляд, оказывается «невозможное». Однако тут мы сталкиваемся с интересной проблемой: абсолютно невозможное (т.е. то, что невозможно логически и физически), в конечном счете, немыслимо, непредставимо. Таким образом, когда мы говорим: «Это чудо, потому что при естественном ходе событий это невозможно», мы не подразумеваем логической и физической невозможности; речь идет о том, что мы не можем представить себе механизм того процесса, который называем чудесным. Собственно, абсолютно немыслимое чудо было бы никому не нужно; люди нуждаются

⁵Льюис К. С. Чудо. // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М.: Фонд О. Александра Меня, 2006, с. 151.

в чуде как в том, чего они не могут сделать сами. Так, евангельские слепые, бесноватые, расслабленные не в состоянии исцелить себя сами и не знают, что нужно сделать, чтобы этого добиться. Если же и существует некоторый путь к исцелению (Овчая купель), то неизлечимо больные, идущие этим путем, действуют (если использовать аристотелевскую концепцию) не как ученые, а как ремесленники: они знают, что определенное действие приводит к определенному результату (первый окунувшийся в купель после возмущения воды исцелится), но не знают причины этого. Описанные в Библии случаи воскрешения мертвых также относятся к категории необъяснимых, но представимых: мы не знаем, каким именно образом происходили те (говоря языком физики) гигантские выбросы энергии, которые требуются, чтобы умершее тело снова начало функционировать, но, когда мы читаем или слышим слово «воскрешение», мы понимаем, о чем идет речь; другими словами, в соответствующем понятии нет ничего логически невозможного, немыслимого, непредставимого. Более того: только что сделанная мною дилетантская попытка описать процесс воскрешения в терминах физики говорит о том, что и физической невозможности здесь, строго говоря, тоже нет – есть лишь необъяснимость. (К категории физически невозможного будет относиться скорее попытка измерить атмосферное давление с помощью термометра).

Итак, кажется более уместным определение чуда как необъяснимого, а не невозможного.

Прежде чем развить эту мысль, обратим внимание на то, что отношение Евангелия к чуду, на первый взгляд, парадоксально: с одной стороны, Христос творит великое множество чудес; с другой стороны, Он произносит знаменательные слова: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения» (Мф. 12, 39); «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Ин. 4, 48); «Для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение» (Мк. 8, 12). Такого рода высказывания, безусловно, имеют в первую очередь педагогическую направленность: Бог творит чудеса для духовной пользы людей, но многие люди требуют от Бога чудес как спектакля. Так воспринимал Христа тетрарх Ирод: «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо» (Лк. 23, 8); однако «Он ничего не

отвечал ему» (Лк. 23, 9). Получается, что Бог, безусловно, творит чудеса, однако существует опасность выхолостить чудо, если оставить от него только саму чудесность. В восприятии людей, подобных Ироду, чудо не является ни формой физической помощи Бога людям (в случае исцеления, насыщения и т.п.), ни формой научения; оно становится всего лишь фокусом.

Таким образом, Евангелие достаточно прямо говорит о том, что чудо как внешне эффектное событие не является необходимым для духовной жизни. Даже если такое предостережение делается только из аскетических соображений, на него стоит обратить внимание.

Стоит обратить внимание и еще на одно обстоятельство, связанное с первой трактовкой чуда: сторонники этой трактовки стоят исключительно на точке зрения человека. Это в высшей степени существенно.

Теперь перейдем вот к какому вопросу: нарушает ли чудо законы природы? На первый взгляд, да – иначе это не чудо. Однако интересно, что христианские богословы так не считают. Например, тот же Клайв Льюис писал:

«...нельзя говорить, что чудо нарушает законы природы. Оно не нарушает их. Если я выбью трубку, я изменю положение несметного количества атомов, в конечном счете – всех атомов, какие есть на свете. Природа же переварит это с превеликой легкостью и мгновенно приведет в равновесие с прочими событиями. Законам подброшен новый материал, и они к нему прекрасно применяются. Если Господь уничтожит, или создаст, или изменит какую-нибудь частицу материи, природа тут же справится с этим и впишет в свои законы»⁶.

Об этом же говорил и митрополит Антоний Сурожский: «Неужели в момент чуда Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет! Если бы было так, то это было бы магическое действие, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо – нечто совершенно иное; чудо – это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом»⁷.

⁶ Там же, с. 187

⁷ Антоний, митрополит Сурожский. О чуде. // Труды. В двух книгах. Кн. 1. М.: Практика, 2012, С. 1005.

На мой взгляд, наиболее удачную формулировку, касающуюся совместимости законов природы и чуда, мы находим в небольшом трактате Эдгара По «Эврика»:

«...в истинное представление о Боге, всемогущем и всеведущем, мы вводим также представление о *непреложности* его законов. В Нем нет ни Прошлого, ни Будущего, в Нем все *Настоящее* – не оскорбляем ли мы Его предполагая законы его сочетанными вне предвидения каждой возможной случайности – или, точнее, какое помышление *можем* мы иметь о *любой* возможной случайности, как не то, что она есть сразу следствие и выявление его законов? Тот, кто, освободившись сам от предрассудков, возымеет редкую смелость думать безусловно самолично, не сможет не прийти в конце к сгущению *законов* в *Закон* – не сможет не достигнуть заключения, что *каждый закон Природы зависит всецело от всех других законов* и что все они суть лишь выводы из единого первичного свершения Божественного Воления»⁸ [По, 2008, с. 149–150].

На первый взгляд, По здесь не говорит о чуде – разве что в смысле его отрицания. Однако фактически По именно предлагает альтернативное понимание чуда. Ведь только Бог всеведущ, и только Он в состоянии был предвидеть все возможные случайности. Человеку неизвестны все законы природы. Поэтому он регулярно оказывается в тупике, сталкиваясь с теми проблемами, решение которых Бог предусмотрел. Степень нерешаемости проблем может быть разной: какие-то проблемы могут быть настолько далеко от решения, что в качестве проблем даже не будут осознаваться; другие скорее осознаются именно как проблемы – то есть как-то, что мы бы сделали, если бы знали как. Но, так или иначе, такая ситуация возможна только для человека, поскольку человек знает не все и поэтому для него возможны неожиданные ситуации. Для Бога неожиданностей не существует; поэтому вопрос о чуде, рассмотренный с Божественной точки зрения, заключается скорее в способе действия – насколько он, этот способ, должен совпадать с законами природы. По считает, что Богу нет необходимости выходить за пределы Своих же законов в силу их всеохватывающего характера, и спорить с этим трудно.

⁸По Э. А. Эврика. Поэма в прозе. Перевод К. А. Бальмонта. М.: Эксмо, 2008, С. 149–150.

Итак, оригинальность По в том, что он в вопросе о природе чуда попытался – насколько это возможно для человека – рассмотреть проблему в другой, Божественной, перспективе. Можно сказать, что По додумывает до конца ту проблему, которая имплицитно существует и при первом понимании чуда и на которую я указал выше (абсолютно невозможные события абсолютно невозможны). Рассуждая в терминах По, когда Бог творит чудо, Он делает (как об этом уже говорилось чуть раньше) именно то, чего мы не можем сделать и природу чего не понимаем (хотя, подчеркну, понимаем общий характер и смысл этих действий).

Но, рассуждая таким образом, необходимо поставить еще один вопрос: почему Бог обнажает чудесность своих действий? Ведь, если Он всегда действует, опираясь на законы природы, Он мог бы полностью скрыть тот факт, что Он творит чудо. Ответ достаточно очевиден: если периодически чудо вредно, ибо непедagogично (см. выше), то иногда оно полезно по противоположной причине – если очевидная чудесность происшедшего делает человека лучше. Здесь возможны варианты: чудо может убеждать в существовании Бога; может убеждать в божественной природе Христа или в причастности Божеству кого-то из его святых-чудотворцев; наконец, чудо может удерживать от уныния, свидетельствуя, что Бог печется о человеке. Но в принципе, если мы примем тезис о неизменном согласии Божественных чудес с законами природы, мы должны будем заключить, что Бог всегда имеет возможность скрыть чудесность своих действий; скорее наоборот – если Он эту чудесность демонстрирует, то это и есть из ряда вон выходящий случай, а чудо, так сказать, прикровенное – случай обычный.

Этот факт – существование чудес, которые нужно суметь увидеть как чудеса, – давно осознан и отразился даже в обыденной речи: если человек говорит, что он чудом спасся от опасности или чудом получил желаемое, это не значит, что в его жизни произошли события, которые являются очевидно сверхъестественными. Речь идет о неожиданном спасении, о достижении цели, когда она казалось абсолютно недостижимой. При этом, когда такое неочевидное чудо уже произошло, его очень легко объяснить рационально. Поэтому оно не будет являться аргументом для атеиста. С другой стороны, для верующего будет особенно важно понимать неочевидное чудо как чудо и чувствовать благодарность Богу. **Объяснение чуда не отменяет его.**

И здесь можно провести одну весьма любопытную параллель со структурой одного из литературных жанров – детектива. Казалось бы, детектив – жанр развлекательный и в этом смысле далекий от серьезной проблематики. Кроме того, детектив скорее разоблачает чудеса и в этом смысле должен восприниматься как орудие атеизма, чем как аналогия религиозному восприятию мира. Отвечу на эти возможные возражения по порядку.

Относительно развлекательности и серьезности детектива. Безусловно, детектив – это развлечение. И использовать его как оболочку для серьезных идей удавалось немногим – чуть ли не только одному Честертону. Но структура детектива как жанра представляет интерес независимо от того, чему она служит. Как известно, Максвелл, отвечая на вопрос, зачем нужна теория электромагнитного поля, застенчиво ответил: «Ну... может быть, детские игрушки можно будет делать». Если бы применение этой теории действительно ограничилось только областью игрушек, структура электромагнитного поля не стала бы от этого менее интересна. То же относится и к детективу.

Относительно атеистичности детектива. Собственно, оставшаяся часть моей статьи как раз и будет посвящена вопросу о том, разоблачаются ли в детективном жанре чудеса. (Впрочем, для внимательного читателя ответ уже очевиден).

Итак, схема детективного сюжета имеет следующий вид: герой (как правило, сыщик) сталкивается с загадкой – то есть с неким необъяснимым событием. Степени необъяснимости, если можно так выразиться, могут быть разными. Например, в «Глории Скотт» Конан Дойля или в «Шерлоке Холмсе и Арсене Люпене» Леблана степень эта невелика: загадочно (и в этом смысле все-таки необъяснимо), какое значение может иметь текст, на первый взгляд бессмысленный и даже комичный (о том, что он все же имеет значение мы можем судить по тому, как на него реагируют люди осведомленные). Гораздо выше эта степень, скажем, в хрестоматийной для детектива загадке запертой комнаты (в комнате совершается убийство – оттуда никто не выходил – когда дверь взламывают, убийцы там нет – подземный ход исключается). Наконец, еще более необъяснимыми являются мистические события, с которыми героям детективов тоже приходится сталкиваться: явления призраков («Белое привидение» Загоскина, «Сфинкс» По, «Собака Баскервилей» КонанДойля, «Та, которой не стало» Буало-

Нарсежака), родовые и иные проклятия в действии («Злой рок семьи Дарнуэй» Честертона, «Тайна египетской гробницы», «Вилла 'Белый конь'» Кристи), переселение душ («Из царства мертвых» Буало-Нарсежака), сверхъестественные видения («Спящее убийство» Кристи) и т.д. и т.п.

Первое, на что нужно обратить внимание в данной связи: эти события, если воспринимать их как мистические, **практически не вписываются в христианскую картину мира**. Вера в переселение душ идет вразрез с основами христианского учения; крайне осторожно Библия и христианские писатели относятся к видениям, призракам и проклятиям. Таким образом, разоблачая их, **детектив (и как жанр, и как сыщик) разоблачает суеверия, а не веру**.

Но не менее важен – хотя и менее очевиден – другой факт: если принять мистическую версию событий, чудо... исчезнет. Ведь для людей, верящих в привидения, проклятия и т.д., такие явления – естественная часть жизни; они не удивляют. Это подтверждает и восприятие сюжета читателем: интерес к детективу существует лишь до тех пор, пока мы знаем, что в этом художественном мире призраки не водятся, а души не переселяются. Если же мы понимаем, что читаем не детективный роман, а мистический, мы просто воспринимаем тех же призраков как часть **физики** этого мира. Ощущение чуда при чтении детектива возможно лишь тогда, когда мы понимаем, что на наших (читательских) глазах произошло невозможное.

Интересно, что Шерлок Холмс очень трепетно относится к этому ощущению, которое возникает у его клиентов, а также у Уотсона:

«– Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку, – сказал он.

– Признаюсь.

– Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

– Почему?

– Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

...– Конечно, – сказал он, слегка уязвленный, – всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют»⁹.

⁹Дойль А. К. Плывущие человечки. // Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 2. М.: Правда, 1966, С. 291–292.

«Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы, бог знает, какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

– Я думаю, Уотсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам»¹⁰.

Ситуация, складывающаяся в детективе, напоминает, таким образом, то, что выше было сказано применительно к восприятию неочевидных чудес: если чудо вписывается в законы природы и логики, у человека возникает желание не замечать чудесности этого чуда. Так же ведут себя Уотсон и Уилсон в процитированных отрывках: убедившись в простоте рассуждений Холмса, они сразу же забывают о том, что минуту назад то, что делает Холмс, казалось необъяснимым и, **казалось бы, невозможным, если бы Холмс уже не доказал, что знает истину.**

Другими словами, знакомые и клиенты Холмса считают, что объяснение чуда его отменяет. Между тем, если вдуматься, для такого вывода нет оснований. Он (этот вывод) подразумевает, что в структуре мироздания существуют своего рода «прорехи», где разум утрачивает свою разумность; только существованием такого рода «прорех» и можно объяснить понимание чуда как абсолютно необъяснимого. Если же мы примем христианский тезис о Боге как Источнике всякого разума, то вынуждены будем принять и честертоновское «разум разумен везде» («Сапфировый крест»). Следовательно, объясненное чудо не перестает быть чудом.

В приведенных примерах из КонанДойля чудо исчезло бы, если бы Холмс обманывал Уотсона или Уилсона, а информацию о них получил, скажем, подслушав чей-то разговор или покопавшись в их личных бумагах. Именно поэтому такой скандал производит псевдоразоблачение Холмса в серии «Падение Рейхенбаха» из сериала «Шерлок»: если Холмс разгадывал загадки, потому что делал выводы, – он чудотворец; если же он, например, смог рассказать Уотсону о его отношениях с сестрой, потому что узнал о них от кого-то другого, – он просто обманщик.

С другой стороны, в псевдомистических загадках чудо исчезло бы, если бы объяснение действительно было мистическим. Но об этом уже сказано выше.

¹⁰Дойль А. К. Союз рыжих. // Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 1. М.: Правда, 1966, С. 293–294.

При этом в такого рода детективах некоторые персонажи действительно могут придерживаться мистической трактовки событий. Эти герои вызывают к себе либо ироническое отношение, либо резко критическое. Наиболее последовательную критику такого рода отношения к действительности мы находим у Честертона:

« – Собака, если бы умела говорить, могла бы рассказать чуть ли не все об этом деле, – сказал священник. – Вас же я осуждаю за то, что вы, благо пес говорить не умеет, выступаете от его имени, заставляя его изъясняться языками ангельскими и человеческими. Вас коснулось поветрие, которое в наше время распространяется все больше и больше. Оно узурпаторски захватило власть над умами. Я нахожу его и в газетных сенсациях, и даже в модных словечках. Люди с готовностью принимают на веру любые голословные утверждения. Оттесняя ваш старинный рационализм и скепсис, лавиной надвигается новая сила, и имя ей – суеверие. – Он встал и, гневно нахмурясь, продолжал, как будто обращаясь к самому себе: – Вот оно, первое последствие неверия. Люди утратили здравый смысл и не видят мир таким, каков он есть»¹¹ («Вещая собака») [Честертон, 1994, с. 67].

«...мистику-дилетанту не обойтись без покровов таинственности, сняв который находишь нечто вполне тривиальное»¹².*

По сути дела, *siparvascomponeremagnislicet*¹³, суеверы из детективов – это тот самый «род лукавый и прелюбодейный», который «ищет знамения».

Итак, чудом в детективе оказывается именно возможность рационального объяснения того, что кажется необъяснимым. Это станет еще более очевидным, если обратиться к детективу типа «изобретение». В этих детективах («Скандал в Богемии» Конан Дойля, часть новелл Кристи о Паркере Пайне, «Летающий слон» Акунина и др.) перед героем стоит задача решить не загадку, а проблему, которая кажется нерешаемой, **то есть сотворить чудо**. Безусловно, поскольку мы видим, как это чудо творится, оно сразу попадает в категорию неочевидных чудес; однако если сравнить наши первоначальные впечатления от

¹¹Честертон Г. К. Вещая собака. // Избранные произведения. В 4 томах. Т. 2. М.: Book Chamber International, 1994, с. 67

¹²Честертон Г. К. Небесная стрела. // Избранные произведения. В 4 томах. Т. 2. М.: Book Chamber International, 1994, с. 40

¹³Если можно сравнивать великое с малым (*лат.*). – Выражение из «Георгик» Вергилия.

задачи («Это невозможно!») с ее решением, то придется констатировать, что герой детектива **совершает невозможное**.

Вернемся теперь к Эдгару По и его концепции чуда как неожиданно-го использования Богом своих собственных законов. Мир при таком подходе оказывается неисчерпаемым источником чудес, поскольку Бог всегда будет удивлять человека, который, разумеется, никогда не будет знать мир вполне. Вместе с тем знания человека о мире, разумеется, расширяются. В таком случае получается, что процесс переживания человеком чудесности Божьего мира и процесс познания суть один и тот же процесс.

В работах, посвященных детективу, неоднократно отмечалось, что детектив отражает модель научного мышления. Однако с тем же успехом можно сказать, что он отражает и модель мышления религиозного.

Примечание

Статья предназначалась для публикации в «Новом филологическом вестнике», но редакция, сославшись на мнение анонимного рецензента, имевшего собственные представления о «чуде» и о «детективе», отказалась ее печатать, и этот текст был оставлен «до лучших времен».

**В первом варианте работы честертоновское противопоставление «истинного мистика» и «мистика-дилетанта» подробно растолковывалось на примере романов Л. Юзефовича и их принципиального отличия от произведений детективного жанра:*

«...Юзефович, в сущности, иллюстрирует тезис Честертона, приведенный чуть выше... но не весь тезис, а лишь его половину. Если отвлечься от богословского смысла честертоновского пассажа и приложить его только к литературе, получится следующая картина: в детективе обязательно есть загадка, которую автор, будучи «истинным мистиком» не скрывает, а наглядно демонстрирует. В роли «мистика-дилетанта» в детективе выступают сторонники суеверного объяснения загадочных событий, которые как раз скрывают под «покровом таинственности» (ссылками на сверхъестественные силы) «нечто вполне тривиальное» (утверждения о существовании призраков, реинкарнации, проклятий и т.п. трудно назвать оригинальными). Но трилогия о Путилине и «Казароза» отличаются тем, что как раз загадки там, в сущности, и нет: исходная ситуация достаточно проста, но почти сразу вокруг этой простой ситуации начинает формироваться кокон сенсационных объяснений происходящего. Из-за того, что это происходит почти сразу после завязки, читатель и не успевает заметить, что загадки как таковой и нет. Такой тип сюжета при желании действительно можно считать атеистическим, поскольку разоблачение суеверий не сопровождается здесь утверждением чуда».

Моисеев П.А.,
к. филос. н., доцент
кафедры культурологии и философии ПГИК
Моисеева А.А., публикатор

Детектив и Майн Рид
(из архива П.А. Моисеева, 2020 год)

Предупреждение: в статье полностью или частично раскрываются сюжетные загадки романов Т. Майн Рида «Всадник без головы», «Гвен Винн» и Ч. Диккенса «Барнеби Радж».

Как известно, Эдгар По, создав детективный жанр, не произвел фурора в литературном мире. Понадобился гений КонанДойля, чтобы сделать детектив популярным. Тем не менее, период между «Похищенным письмом» (1845) – последней новеллой о Дюпене – и «Скандалом в Богемии» (1891) – первой новеллой о Холмсе¹⁴ – весьма любопытен в контексте истории детектива. Не только в творчестве Уилки Коллинза – автора детективного шедевра «Лунный камень» – но и в сенсационном романе в целом видно движение в сторону детектива. Во Франции Габорио активно пишет полицейские романы, которые потом окажут влияние на КонанДойля. Короче говоря, бродильный процесс идет, а формула детектива, кажется, носится в воздухе и вот-вот воплотится на практике. Иногда так оно и случается (как в «Лунном камне» или в некоторых произведениях Анны Грин), но не менее интересны и те случаи, когда это *почти* происходит. Случаи эти, видимо, были более многочисленны, так что ситуация складывается парадоксальная: хотя детектив уже существует, в 1850-е – 1880-е появляются не столько новые детективы, сколько произведения, предвосхищающие детектив, приближающиеся к нему.

Имя Майн Рида в связи с детективом упоминалось, насколько мне известно, дважды. В 1984-м году О. Н. Олейникова включила в свою кандидатскую диссертацию¹⁵, посвященную Майн Риду, главу

¹⁴Разумеется, «Скандалу в Богемии» предшествовали «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех». Однако в силу того, что полноценными детективами эти повести не являются, датой второго рождения жанра можно считать именно 1891-й год.

¹⁵Олейникова О.Н. Жанр приключенческого романа и творчество Томаса Майна Рида. Диссертация на соискание степени канд. филол. наук. М. 1984

«Детективный приключенческий роман Майн Рида», в которой речь шла о романе «Всадник без головы». Вопреки названию главы, исследовательница все же не причисляет это произведение к детективному жанру («Риду мало показать расследование преступления, ему нужно еще провести своих героев через различные испытания и приключения»), в чем с ней нельзя не согласиться. Однако значительная часть этой главы диссертации представляет собой простой пересказ сюжета, а анализ «Всадника без головы» как протодетектива носит довольно беглый и поверхностный характер.

Вторая статья, рассматривающая творчество Майн Рида в связи с детективным жанром, – работа А.Б. Танасейчука «Сочинял ли Майн Рид детективы?»¹⁶. Эта статья, безусловно, ценна тем, что привлекает внимание к малоизвестному роману писателя «Гвен Винн». Как и в работе Олейниковой, в статье А.Танасейчука большое место занимает пересказ сюжета, что трудно отнести к достоинствам работы. Что же касается ответа на вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи, здесь ответ исследователя однозначен: «Гвен Винн» – детектив. Главный аргумент таков: «Источником сюжета является преступление, «двигателем» – расследование, которое совместно ведут два центральных персонажа – капитан Райкрофт и его помощник Джек Уингейт»¹⁷. Однако вряд ли этот аргумент можно считать убедительным: расследование преступления – характерная черта полицейского романа (хотя «Гвен Винн» нельзя отнести и к этому жанру), для детектива же обязательно наличие загадки, причем «нельзя считать основным признаком детектива наличие в нём преступления»¹⁸. Замечу, что точно так же для решения вопроса о принадлежности / непринадлежности произведения к детективному жанру несущественно, действуют ли герои этого произведения внутри или вне «правового пространства» (ср. с. 132)). Однако «Гвен Винн», как и «Всадник без головы», не являясь *детективами*, все же должны быть тщательно проанализированы именно в контексте

¹⁶Танасейчук А. Б. Сочинял ли Майн Рид детективы? // Поэтика зарубежного классического детектива. Отв. ред. К. А. Чекалов, М. Р. Ненарокова. М.: ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2019, с. 128–141.

¹⁷ Там же, С. 139.

¹⁸Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006, с. 12.

истории этого жанра; более того – эти два романа приобретают дополнительный интерес именно в сопоставлении друг с другом.

Как уже было сказано, главной чертой детектива является загадка, которая «представляет собой логическое противоречие»¹⁹. Разумеется, детективная загадка должна иметь разгадку: придумать загадку без разгадки – дело относительно нехитрое, но такая загадка не будет доставлять интеллектуального удовольствия. Если же рассмотреть детективную загадку в единстве с разгадкой, то мы получим сюжетную конструкцию, которая и будет представлять собой главное достоинство того или иного детектива. При этом все детективные конструкции можно разделить на две группы. В одном случае загадка от начала до конца будет являться результатом замысла – как правило (хотя и не обязательно), преступного. В качестве примеров можно привести «Собаку Баскервиль» КонанДойля, «Пропавшую картину» Уоллеса, «В алфавитном порядке» Кристи. В другом случае загадка полностью или частично возникнет в результате стечения обстоятельств. На первый взгляд, такого рода конструкции должны быть менее качественными, чем в первой группе – случайностью можно объяснить практически что угодно. Однако такие примеры, как «Убийства на улице Морг» или «Шесть Наполеонов» говорят о том, что случай также может послужить источником хорошей загадки. И, наоборот: над слишком хитроумными преступниками смеялся еще Вудхауз в эссе «Книги об убийствах». Другими словами, оба типа конструкции имеют право на существование, если разгадка оказывается более или менее простой, правдоподобной и естественной (с поправкой, конечно, на условность самого жанра).

Упомянутые два романа Майн Рида интересны в нескольких отношениях. Во-первых, хотя они и не являются детективами, их сюжетные конструкции вполне могли бы быть использованы в детективах. Во-вторых, эти два романа построены как вариации одной и той же схемы. Это обстоятельство весьма существенно, поскольку может быть истолковано как результат осознанного отношения писателя к используемым им конструкциям.

В самом деле, что из себя представляет история детектива? Безусловно, в ней мы сталкиваемся с заимствованием сюжетных конструк-

¹⁹ Там же, С. 24.

ций. Однако в этом случае перед писателем встают две дополнительные задачи: задача-минимум – постараться сделать так, чтобы читатель как можно позже опознал уже использованную схему; задача-максимум – разработать эту схему более талантливо, чем предшественник. Но главным образом детектив держится, разумеется, не на повторении, а на новизне сюжетных конструкций. Это не означает, однако, что старые конструкции игнорируются. Новые загадки и разгадки могут появляться в результате отталкивания от уже знакомых читателю схем. Лучше всего это видно на примере различных решений одной и той же загадки, например, убийства в запертой комнате, но отталкивание от чужих конструкций не сводится к изобретению новых разгадок уже опробованной загадки. Скажем, «Свидетель обвинения» Кристи отталкивается от схемы, использованной Конан Дойлем и его последователями, «Девять плюс смерть равняется десяти» Карра – от «Красного отпечатка большого пальца» Фримена и т. д.

Но именно этим путем идет и Майн Рид, когда в «Гвен Винн» возвращается к сюжетной схеме «Всадника без головы», причем не довольствуется только сменой антуража, но и модифицирует саму схему. Безусловно, «Гвен Винн» значительно уступает «Всаднику», однако в данном случае, как уже было сказано, важна не успешность модификации, а ее осознанность.

Теперь перейдем собственно к анализу этих двух романов. При этом будет уместно не только сопоставить эти романы, но и показать, в чем заключается их близость детективу.

Начнем мы, разумеется, со «Всадника без головы» – видимо, первого опыта Майн Рида с конструкцией, которую можно назвать детективной. Прежде всего коснемся вопроса о том, почему – вопреки всему, что уже было и еще будет сказано в настоящей статье, – этот роман нельзя назвать детективным. Процитированное объяснение Олейниковой нуждается в дополнении. Да, действительно, в романе много приключений. Можно даже сказать, что роман делится на две большие части, первая из которых – примерно две пятых романа – носит приключенческий характер, а вторая – протодетективный. Но дело не только в том, что во «Всаднике» есть приключения: как ни противны они детективному жанру, и в более позднее время писатели будут иногда включать приключенческие эпизоды в детективы (даже в такие

хорошие, как «Коронация» Акунина). И как бы долго ни откладывал Майн Рид переход к загадке, примерно такое же соотношение «дозагадочной» и «загадочной» частей мы найдем и у стопроцентных детективистов – например, у Агаты Кристи в «Смерти на Ниле» или «Часе зеро». Дело скорее в акцентах и в контексте. Если спросить читателя Майн Рида, кто главный герой «Всадника без головы», ответ будет – Морис Джеральд, хотя на протяжении шестидесяти процентов объема книги Морис-мустангер почти не участвует в действии. Для Майн Рида и для тех читателей, которым он адресовал свою книгу, история любви Мориса и Луизы не менее важна, чем та необъяснимая ситуация, с которой мы сталкиваемся в протодетективной части романа. При этом важность любовных и приключенческих эпизодов еще усиливается благодаря читательским ожиданиям: к моменту выхода из печати «Всадника» Майн Рид уже обладал сформировавшейся за 15 лет репутацией «приключенца» – и *его читатель* ждал от него именно приключений. Кристи (и другие «чистые» детективисты, откладывавшие загадку до середины книги), напротив, рассматривала «додетективную» часть как пролог к основному действию. Вместе с тем «дозагадочная» часть «Всадника без головы» в одном отношении предвосхищает аналогичные главы упомянутых романов Кристи: Майн Рид показывает события, которые привели к «часу зеро». Кроме того, обрисовывая героев и их взаимоотношения, он дает нам понять, кто из них на что способен, и впоследствии окажется особо важным, например, что в исчезновении Генри Пойндекстера, по-видимому, не может быть замешан Колхаун, не испытывавший ненависти к брату Луизы. Однако в целом эта часть романа носит, конечно же, приключенческий характер.

Другое дело – «загадочные» главы, начинающиеся, пожалуй, с тридцать шестой. Если до сих пор Майн Рид показывал практически все значимые события из жизни своих героев, умалчивая лишь о некоторых событиях прошлого (происхождение Мориса-мустангера), то теперь он оставляет лауну в цепи эпизодов. Происходит это после того, как, застав Луизу на ночном свидании с мустангером, Генри прогоняет Мориса с ранчо своего отца, но потом, обуреваемый раскаянием, следует за ним. За ним следит Колхаун, надеявшийся на смертельный исход столкновения между братом и возлюбленным Луизы. После этого следует упомянутая лауна – а дальше происходящее становится прак-

тически необъяснимым. На следующее утро на ранчо возвращается лошадь Генри – но без седока. Она испачкана кровью; лужу крови находит неподалеку от ранчо отряд, выехавший на поиски Генри. Вдобавок ко всему в окрестностях появляется загадочный всадник без головы. Обратим внимание, что загадка складывается из двух частей, хотя по сути дела это именно одна загадка. Первой частью является необъяснимое исчезновение Генри. Следы крови наводят на мысль об убийстве. Однако лишь трое участников всей истории находились неподалеку от места предполагаемого преступления – сам Генри, Колхаун и Морис. Колхаун, как уже было сказано, не заинтересован в гибели Генри, а Морис слишком благороден, чтобы убить ни в чем не повинного человека. Вторая часть загадки – всадник без головы. Если это труп, то почему он в седле? Почему на нем одежда Мориса Джеральда? Если это действительно труп и если этот труп – дело рук злодея Колхауна, то почему сам Колхаун совершенно искренне удивлен и напуган появлением этого всадника?

Мы видим, что в этой – большей – части романа присутствует главный элемент детектива, загадка, причем решение загадки оказывается в центре сюжета. Соответственно меняется и главный герой, хотя мы можем этого не заметить, поскольку судьба Мориса по-прежнему живо волнует всех персонажей. Однако движущей силой сюжета является уже не Морис, а ЗебСтумп. «Всадник без головы» вышел в один год с «Делом вдовы Леруж» – первым полицейским романом Габорио, поэтому сравнение с Лекоком и даже с папашей Табаре (героем «Вдовы Леруж») будет не вполне корректным. Но интересно, что Габорио, напротив, уже в этом романе сравнил деятельность сыщика с поступками литературных индейцев и следопытов: «...они [сыщики. – П. М.] преследуют преступника именем закона, пробираясь сквозь его хитро-сплетения, подобно индейцам Купера, идущим по следу врага в дебрях американских лесов»²⁰. О том, что этот мотив косвенно повлиял на детективный жанр, писала и Дороти Сейерс: «В «Следопыте», «Оленебое», «Последнем из могикан» и других романах этого цикла Купер познакомил восхищенных юных читателей обоих полушарий с тем, как индейцы отслеживают свою добычу, читая следы, обращая внимание

²⁰Габорио Э. Дело вдовы Леруж. // Дело вдовы Леруж. Сборник. Авт. предисловия В.Е. Балахонов. М.: Прогресс, 1990, С. 50.

на сломанный прутик, упавший лист, поросший мохом ствол. ...Романисты, не желая подражать Куперу «на его территории», нашли способ получше: они перенесли романтику лесной глуши в родное окружение своей собственной страны»²¹. Майн Рид интересен тем, что у него нет этого разрыва между чтением следов в декорациях приключенческого романа и детективным сюжетом: детектив вырастает непосредственно из обстановки вестерна, и поэтому охотник не превращается в городского полицейского, а остается собой и одновременно становится сыщиком. Если же вернуться к сравнению с Габорио, то стоит отметить, что не только ЗебСтумп опережает Лекока чисто хронологически, но и сюжет, в который помещает его Майн Рид, носит гораздо более детективный характер, чем сюжеты Габорио.

«Всадник без головы» близок к детективу еще и тем – это отмечает и Олейникова – что автор как бы вскользь сообщает читателю информацию, необходимую для разгадки. Самый яркий пример этого – глава «Меченая пуля».

Протодетективная часть романа обладает, с современной точки зрения, только одним недостатком: Майн Рид дает читателю слишком много информации. Читатель, знакомый с произведениями Дойля, Кристи, Честертона, Коллинза, Леру и других позднейших авторов, способен разгадать загадку романа раньше, чем, видимо, должен был это сделать по замыслу Майн Рида. Однако из сказанного ясно, что считать это недостатком, строго говоря, нельзя: Майн Рид рассказывает свою историю, исходя из того, кому он ее рассказывает. Читатель 1860-х годов, не знакомый ни с «Лунным камнем», ни с «Шестью Наполеонами», ни со «Смертью на Ниле», был гораздо простодушнее, и та информация, которая нам однозначно указывает на разгадку, современников Майн Рида лишь запутывала еще больше. (Можно вспомнить, что из первых читателей диккенсовского «Барнеби Раджа», судя по всему, только Эдгар По угадал разгадку, хотя сейчас это способен сделать, наверное, любой мало-мальски опытный читатель).

Если же вернуться к вопросу о том, к какой группе загадок отнести загадку «Всадника», то очевидно, что она возникает без умысла преступника. Замысел убийцы не прост, а примитивен, но в этот замысел

²¹Сейерс Д. Предисловие к детективной антологии. // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990, с. 54.

вмешиваются две случайности, о которых преступник не знает, в результате чего происходящее и становится необъяснимым. Однако достоинство загадки романа в том, что обе эти случайности – обмен одеждой и желание Мориса перевезти тело на ранчо – абсолютно естественны и закономерны, поэтому разгадка не вызывает ощущения натянутости.

Обе эти случайности очень важны; собственно, загадка формируется в результате взаимодействия этих двух обстоятельств и желания убийцы надругаться над телом. Но первопричиной загадочности происходящего можно считать именно обмен одеждой между Генри и Морисом и вытекающую из него путаницу с телами. Этот сюжетный ход одновременно очень прост и очень остроумен. Фактически его можно рассматривать как сильно модифицированную версию с переодеванием убийцей трупа в собственную одежду (причем, который в то время был известен по уже упомянутому «Барнеби Раджу», а впоследствии использовался многократно) с тем существенным отличием, что здесь в заблуждение введен сам убийца.

Детективисты зачастую (возможно, всегда) знают, какие конструкции им удались. В некоторых случаях высокая оценка собственной загадки писателем становится очевидна, когда он начинает возвращаться к этой загадке. Так было с Конан Дойлем, который вернулся к сюжету «Союза рыжих» в «Приключении клерка» и «Трех Гарридебах». Так было и с Майн Ридом, когда он, оттолкнувшись от «Всадника без головы», двенадцать лет спустя создал «Гвен Винн».

Этот роман, безусловно, сильно уступает «Всаднику» в занимательности. Здесь снова книга распадается на «дозагадочную» и «загадочные» части, но, если во «Всаднике» «дозагадочные» главы наполнены приключениями, в «Гвен» приключений почти нет. В основном первая половина романа наполнена любовными переживаниями, хотя одновременно мы знакомимся со злодеями, узнаем об их отношениях друг с другом и с положительными персонажами и, как следствие, о целях и мотивах их действий.

В силу того, что «Гвен Винн» не попала в круг детского чтения, современный читатель если и познакомится с этим романом, то скорее в более или менее зрелом возрасте, и протодетективная конструкция может показаться более простой, чем во «Всаднике без головы», если мы будем судить о сюжете «Всадника» по детским воспоминаниям. На самом деле, хотя сюжет «Гвен» действительно менее изобретательный,

он – с учетом времени написания романа («Лунный камень» уже вышел, но до «Скандала в Богемии» еще 14 лет) – не так плох. Здесь видно желание преступников придумать действительно хитроумный план действий и желание писателя – как следует запутать читателя.

Как можно догадаться из предыдущей фразы, сюжетная конструкция здесь, в отличие от «Всадника без головы», создается практически без игры случая: она – до вмешательства капитана Райкрофта и Джека Уингейта – есть результат деятельности злодеев во главе с отцом Роже. Это отличает «Гвен Винн» от «Всадника без головы», где загадка, как уже указывалось, возникает в результате действий двух человек и в результате озадачивает даже главного злодея. Но, хотя во «Всаднике» мы имеем дело с более головоломной конструкцией, случай «Гвен Винн» привлекателен тем, что здесь присутствует необязательная, но все же достаточно характерная для детектива особенность. Детектив – жанр индивидуалистический, и не случайно в центре повествования так часто оказывается «великий сыщик». Загадка для сыщика является вызовом. Это относится ко всякой без исключения загадке, но в особенности – к той, что является воплощением замысла другого индивидуума-индивидуалиста – преступника, который в детективе никогда не совершает банальных преступлений (если же он их совершает, то загадка, как было сказано выше, возникает в результате случайности). Вот этот вызов хитроумного преступника мы и находим в «Гвен Винн». Парадокс в том, что, в отличие от «Всадника», здесь есть изобретательный преступник – но нет великого сыщика. Злодеи побеждены скорее в результате упорства Райкрофта и Уингейта, чем в результате интеллектуального превосходства последних²². Впрочем, стоит обратить внимание и на тот факт, что, хотя конструкция «Гвен Винн» приближается к детективной (именно из-за хитроумия замысла преступника), четко выраженной загадки в сюжете нет. Это объясняется тем, что отец Роже преследует несколько целей, одна из которых – не привлекать внимания ни к себе, ни к преступлению. Необъяснимые события идут вразрез с его замыслом. Такая ситуация –

²² А. Б. Танасейчук отмечает, что эти герои «могуществом ума и выдающимися аналитическими способностями не поражают. Более того, они вполне заурядны... Они просто идут по следу — от одной улики к другой, от одного подозрения к следующему...» (цитируемая работа, с. 140). Это справедливое наблюдение, однако, не мешает исследователю назвать пару героев «детективным тандемом» и сравнить их с «великим сыщиком» и его помощником.

уже после Майн Рида – неоднократно будет встречаться и в полноценных детективах; но последующие авторы будут вытаскивать загадку на поверхность с помощью «великого сыщика», который будет подмечать неявную противоречивость ситуации. Райкрофт и Уингейт лишь догадываются о том, что Гвен была убита, и действуют, исходя из этого. Поэтому оригинальность замысла преступников становится ясна лишь в финале (хотя, как я уже говорил, современный читатель может догадаться о сути происходящего гораздо раньше).

А оригинальность этого замысла вытекает отнюдь не из желания замаскировать убийство под несчастный случай – а из отсутствия такого желания. Отец Роже оказывается достаточно остроумным (для того времени) литературным злодеем, поскольку им движет не только желание богатства, но и желание в любом случае избежать наказания. Поэтому он стремится достичь своей цели, не совершая убийства. Отмечу, что «Гвен Винн» в этом аспекте предвосхищает такой шедевр детективного жанра, как «Та, которой не стало» Буало - Нарсежака.

Именно это желание и заставляет отца Роже прибегнуть к хитроумной комбинации, сущность которой разъясняется в финале. С историко-детективной точки зрения особенно интересно то, что, как я уже сказал, Майн Рид модифицирует свою более раннюю конструкцию, в основе которой лежала неправильная идентификация тела. Говоря точнее, во «Всаднике без головы» неправильная идентификация жертвы убийцей привела к невозможности идентифицировать тело вообще – даже просто понять, что это тело жертвы преступления. В «Гвен Винн», с одной стороны, мы имеем дело именно с неправильной идентификацией, инспирированной преступником, и на фоне более хитроумной схемы «Всадника» это, безусловно, шаг назад. С другой стороны, безусловный интерес представляет тот факт, что, оценив потенциал этой схемы, Майн Рид не повторил ее, а именно модифицировал. Можно предположить, что он таким образом пытался понять, как ее можно использовать, не прибегая к автоплагиату (которым впоследствии иногда не брезговал даже Конан-Дойль). Еще одной привлекательной чертой замысла (хотя и не воплощения) «Гвен» можно считать именно тот факт, что Майн Рид пошел по пути устранения из сюжета о «не том трупе» всякого элемента случайности (хотя случайности роковой ночи во «Всаднике» вполне убедительны), попытавшись (хотя, повторю, это только предположение) сделать конструкцию максимально четкой и логичной.

*Моисеев П. А.,
к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК
Моисеева А. А., публикатор*

Мысли о детективе

Эти – краткие и разрозненные – заметки и соображения о детективном жанре, о конкретных детективах, об их авторах выбраны из многолетней переписки Петра Моисеева с Н.Н.Вольским, с книжки которого, случайно купленной в новосибирском магазине «Наука», и началось серьезное увлечение любящего детективы филолога профессиональными исследованиями этого почти не замечаемого литературной наукой жанра. В подборку включены и высказывания о трудностях, неизбежно поджидающих всякого, кто пытается опубликовать в сегодняшних «научных журналах» нечто свое, не обструганное до полной бессмыслицы и идеального соответствия тому «формату», который в данный момент господствует в таких изданиях, являясь для них единственным критерием научной ценности публикуемых работ. Основная часть подобных мыслей, оценок, рассуждений и предположений, планов и неожиданных находок высказывалась при непосредственном общении собеседников и в их регулярных разговорах по телефону, но кое-что осталось и в письмах.

Для ясности понимания публикуемых отрывков некоторые моменты в них снабжены примечаниями Н. Вольского.

...для возрождения детектива – на мой взгляд –
нужно одно: чтобы авторы пустили в ход выдумку,
не думая о том, сколько им за это заплатят.

П. А. Моисеев. Из выступления в дискуссии²³

Под влиянием Вашего разделения сюжетов на детективные, полицейские и милицеские продолжаю выстраивать собственную «кухонную» типологию. Вот что у меня получается... 1) детектив – сюжет с загадкой; 2) полицейский роман – сюжет с вопросом (типа «кто

²³ Выступление 23 сентября 2017 года в дискуссии по теме *Детектив: история и теория* на форуме «Клуба любителей детективов» (<http://impossible-crimes.ru/Forum/viewtopic.php?f=16&t=76&start=100>)

убил»), где из возможных вариантов надо выбрать правильный; 3) милицкий – сюжет с вопросом того же типа, но преступник находится за пределами романа вплоть до развязки (пример – «Смерть Ахиллеса»; не очень интересно, по-моему); 4) милицкий производственный (термин позаимствовал у Вас) – ни загадки, ни вопроса, пружины действия обнажены; 5) приключенческий – в принципе все понятно: динамичный сюжет (ближе, пожалуй, не определишь); 6) интересный вариант – вопрос типа «что они задумали». Не детектив, конечно, но стоит выделить в отдельный вид.

...Прочитал «Убийство на дуэли»²⁴; да, детектив хороший. Не мог отделаться от впечатления, что писали Вы – хотя некоторые идеи о детективе идут вразрез с Вашими. Шутки шутками, но автор, видимо, Вас знает – вряд ли случайно, что отца рассказчика зовут Николаем Вольским, а самого князя Захарова – Николаем Николаевичем. И в конце автор, возможно, намекает на Вас, когда говорит, что долгие годы был консультантом в области детектива. А может, он и правда такой консультант и Вы здесь вовсе не подразумеваетесь. Интересно все-таки, кто он? Шифровку я разгадал: цифры – это номера букв в самой этой книге – «Убийство на дуэли». Но текст немного обидный: «Тот, кто сумел заработать деньги на глупой книге, не глупее того, кто эту книгу покупает; однако, зная вкусы публики, трудно удержаться, чтобы не преподнести ей какую-либо чепуху». Зря он так о своем творчестве; однако отсюда не следует, что третьей книги не будет. С другой стороны, за четыре года она могла бы уже появиться, если бы такое намерение у автора было.

29.12.08

Прочитал, кроме того, одну повесть Стаута. Не помню, читал ли я ее раньше (основной период моего общения с этим писателем случился лет пятнадцать назад); убедился, что не случайно в его произведениях лучше всего запоминаются главные герои и их образ жизни. Загадка там «полицейского» типа (убийца – один из этих людей; этот? – ну значит этот; а был бы другой, мало бы что изменилось), а мотивы убийцы в данной конкретной повести («Разыскивается мать») выглядят

²⁴ Бакунин А. Убийство на дуэли. М.: Деконт+, 2004

несколько необоснованными. Впрочем, для «полицейского» жанра совсем неплохо.

С «Сибирскими огнями», к сожалению, ничего не получается: ссылаются на то, что о детективах ничего не печатают – не их стиль и жанр. Будем искать другие издания!

27.03.09

К слову о Зангвилле и его современниках: мне кажется, что в «Не только Холмсе»²⁵ пощады заслуживает (кроме Аллена с «Рубинами Реманетов» и Зангвилла) еще и Моррисон с его «Кражей в Лентон-Крофте» (если я правильно помню название поместья). Можно еще догадаться, кто преступник, но способ преступления придуман, на мой взгляд, не так плохо.

Спасибо и за Булгакову! Прочитал с удовольствием. А «Мат красному королю» Адама Холла действительно не детектив, а полицейский роман... Но – довольно занимательно, хотя и не детектив.

13.05.09

...обратил внимание и на «Убийство по доверенности» МакдонеллаБодкина. Пожалуй, тоже не так плохо; личность убийцы очевидна, а вот способ убийства любопытный.

19.05.09

Перечитал «Убийство на брачном ложе»²⁶; действительно, есть ощущение большой спешки автора. Во-первых, ему бы не мешало почаще упоминать загадочного компаньона с прииска – тогда бы не было ощущения, что он(а) сваливается откуда-то с потолка. Во-вторых, в отличие от первого романа, здесь подозрительные авантюристы оказываются совсем не причем, что несколько разочаровывает читателя, хотя, видимо, и облегчило работу самому загадочному Бакунину. Впрочем, Кристи тоже прибегала к такому приему: насколько я помню, например, «Роджера Экройда», там всем есть что скрывать, но мало что из этих секретов имеет отношение к убийству. В общем, искусственное отягощение сюжета. К чести Бакунина, такого отягощения практически нет в «Убийстве на дуэли» (за исключением истории с тайным браком сестры Голицына).

²⁵ Не только Холмс. Детектив времен Конан Дойла. М.: Иностранка, 2009. Несмотря на подзаголовок, детективов в этой толстой книге совсем немного.

²⁶ Бакунин А. Убийство на брачном ложе. М.: Деконт+, 2004

11.07.09

...недавно купил томик Булгаковой и разочарования не испытал: два вполне добротных детектива – «Дом с дракончиком» и «Сердце статуи»; в последнем романе разгадка особенно хитроумна, хотя, возможно, один раз использовалась и раньше (точно не скажу, потому что не читал тот роман, где, как я подозреваю, этот ход встречается, а называть его не хочу, чтобы не испортить Вам впечатление от «Сердца статуи»). В общем, «Третий пир», видимо, был просто случайным эпизодом в биографии ИБ.

...Прочитали ли Вы Коллинза? Согласны ли, что «Закон и женщина» могут быть названы вторым образцом детектива в творчестве УУК? Питтэрд, как Вы помните, считает, что его произведения тем детективнее, чем позже они были написаны; возможно; так или иначе, хорошо, что Коллинз делал и другие вылазки в наш жанр, кроме «Лунного камня».

У Честертона мне показались интересными наблюдения о разнице между детективом и драмой,

07.08.09

Когда я читал Честертона, у меня была мысль, что он, возможно, имеет в виду не древнегреческую трагедию (хотя, может быть, так оно и есть), а что-то вроде «хорошо сделанной пьесы» второй половины XIX века или классической комедии: интрига есть, но в то же время пружины действия обнажены – для зрителей (т.е. мы видим, в чем причина путаницы и какие контрходы злодей готовит для героев и наоборот, но все равно смотрим с интересом). Если ГКЧ имел в виду именно такие пьесы, его противопоставление драмы и детектива становится более понятно. Жаль, у самого автора уже не спросишь.

28.08.09

Прочитал «Казарозу»²⁷. Вы правы – Юзефович слишком безыскусно рассказывает свои детективы. Загадка хороша, и разгадка удовлетворяет, но в его изложении все это предстает просто житейской историей. Загадка не ошеломляет, а ввергает в недоумение, и даже крадущийся по пятам героев преступник – просто еще одно... обстоятельство, что ли. Может быть, причина в его явной нелюбви к эффектам,

²⁷ Юзефович Л. Казароза. М.: Эксмо, Зебра Е, Деконт+, 2002

которые он, видимо, отождествляет с бульварщиной; это видно и в «Казарозе», и в «Князе ветра». Его девиз – «Всё не просто, а еще проще»; но чрезмерная простота вредит не только роману о тайных обществах, но и детективу.

4.11.09

Перечитал «В мишуре и блестках» Марш²⁸ – совсем забыл разгадку и даже загадку, поэтому читал как в первый раз; понравилось: дворецкий исчезает непонятно куда (естественно, в замкнутом пространстве поместья), причем мотив преступления (если оно имело место) остается неясным. Очень даже недурно.

Джо Алекс, которого Вы рекомендовали, тоже оправдал репутацию: я читал «Ад во мне» (про убийство в самолете). Если придирааться, можно было бы поставить в вину автору, что не у всех подозреваемых был мотив, но, с другой стороны, так правдоподобнее. А разгадка все равно неожиданная.

Попались под руку два рассказа Сэйерс; «Дама с леопардом» – неплохой, хотя и мрачный вариант «изобретения» (надо убрать мальчика, стоящего на пути между заказчиком преступления и наследством), а вот в «Деле вкуса» действительно особой загадки нет (надо решить, кто из героев – настоящий лорд Питер, а кто самозванец).

Нашел настоящий и неплохой детективный рассказ у Эдгара Уоллеса – «Пропавший Ромни» (кража картины из охраняемого помещения); разгадка изящная.

6.11.09

Понравились «Шоколадки» Беркли: мою версию уже в середине романа высказал Шерингэм – и ошибся. В общем и целом, изящная вещица.

Продолжаю глубокое погружение к Кристи: прочитал «Затерянный прииск», «Двойной грех», «Исчезновение мистера Давенхейма», «Похищение премьер-министра», «Приключение рождественского пудинга», «Черная смородина», «Сон», «Что в садике растет у Мэри», «Приключение Звезды Запада», «Ограбление в миллион долларов» и «Четверо подозреваемых». Пожалуй, все понравилось; «Прииск» – верх лаконизма... Помните ли Вы эту историю исчезновения китайского

²⁸ Марш Н. В мишуре и блестках. М.: Фантом Пресс, 1997

бизнесмена, которого – по всем приметам – мог убить только один человек, в обществе которого китайца видели в последний раз?

19.02.10

До Перми «Только не дворецкий»²⁹ должен был дойти вчера вечером. Другое дело, что эта команда, видимо, слабо чувствует детективную загадку. Они сами говорят, что учитывают язык и проч. в той же мере, что и сюжет. В первом сборнике было много слабых новелл, но я думаю, что у тех же авторов можно было найти и более сильные. Из второго сборника в Интернете был выложен рассказ Бентли – совсем не детективный.

20.12.11

Да, мне слово «ловко» тоже приходило в голову, когда я ее смотрел³⁰. Согласен с Вами, что это не детектив, но – что хорошо – зритель-читатель должен здесь выступить в роли сыщика, сделав все нужные выводы, которые вслух не произносятся автором. Нечто вроде того, чем в Вашей интерпретации являются «Мотив и возможность»³¹: кто понял, тот молодец, а кто не понял, тот соленый огурец. Приятно оказаться в первой категории, хотя здесь всё не так хитро, как в «Мотиве...»

20.01.12

Мне предложили написать рецензию на статью о Дэне Кавана (псевдоним Барнса, под которым он пишет «детективные» романы). Нелегкое испытание – написать всё как есть и никого не обидеть. Впрочем, «истина дороже» в любом случае.

23.02.12

Мне новелла Моррисона³² показалась интересной: в ней та ситуация, которая постоянно встречается у Габорио, формулируется именно как загадка. У Габорио четкой формулировки загадки нет: просто мы видим, что Лекок поражает нас и других персонажей умением находить улики там, где их нет. Моррисон же прямо говорит: «Были

²⁹ Только не дворецкий. Золотой век английского детектива. М.: Астрель, Corpus, 2011

³⁰ Речь идет о пьесе Александра Мардана «Ночь святого Валентина».

³¹ Рассказ А.Кристи. См. Вольский Н.Н. Загадка Агаты Кристи. // Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007, с. 127-172

³² Имеется в виду рассказ «Дело мистера Фоггатта» (detective.gumer.info/anto/morrison_2_1.doc)

найжены такие улики, из которых, по-видимому, ничего нельзя извлечь. А Мартин Хьюитт извлек. Так из какой именно улики?» Мне кажется, это более изящно, чем истории Габорио, где иной раз улики-невидимки тонут в море авантюрных событий и семейных драм.

3.09.12

Еще один файл – два абзаца из статьи про «Игроков» Гоголя, где упоминается детектив. Безусловно, структура «Игроков» не детективная и не та, что у наших «предшественников» – но все же родство с детективом чувствуется, так что на счету русских классиков еще один плюс в плане подготовки детектива. Если бы они не заботились о высоком, точно бы обставили По!

09.12.12

Прочитал хороший детектив Эллингем «Смерть призрака». До сих пор мне у нее попадались исключительно приключенческие романы, причем, по собственному ее признанию, написанные левой рукой (а я подозреваю, что даже и ногой). И тут такое приятное открытие!

03.05.13

Забыл вчера сказать: нашел у Во след знакомства с Гарднером. Он читал детективы! И, может быть, даже любил?

31.01.14

Вдогонку об Акунине и его позоре: в том рейтинге псеводетективов был еще один приличный писатель (помимо КонанДойля) – Джеймс. Правда, она из разряда «рядовых»; характерно, что он называет ее, а не По, скажем. Да, и еще. В комментариях к этой записи он признается, что сериал «Элементарно» ему нравится больше, чем «Шерлок». «Элементарно» я не смотрел, но, кажется, он дальше (чем «Шерлок») и от КонанДойля – и вообще от детектива. В «Шерлоке» в каждой серии обыгрываются оригинальные сюжеты, и даже делаются попытки обыграть КонанДойля на его поле. В общем, не любит БА детективы. Странно, а ведь в каком-то интервью он когда-то продемонстрировал четкое понимание разницы между «Левиафаном» и «Азазелем». Загадка.

02.06.14

Начал делать ссылки в статье³³ и нашел еще несколько любопытных фактиков: Гарднера Во не просто читал, а считал его лучшим из ныне живущих американских писателей и даже чуть-чуть с ним попереписывался (Гарднер, кстати, его тоже читал). Когда Во признался одному интервьюеру, что любит Гарднера, тот сказал: «И Чандлера!» Но Во заявил, что Чандлер скучен (!!!) Во не только дружил с Ноксом, но и называл его одним из своих любимых писателей (что не удивительно, но все же). Во мечтал написать детектив!!! И не в духе Грэма Грина, а в духе Кристи или Гарднера! Потому что в детективах есть загадка и четкая разгадка! Это действительно «наш клиент»!

06.06.14

В связи с тем, что одна из ссылок о Буало-Нарсежаке, у меня актуализировалась одна моя не очень новая мысль. Вспомнил я ее потому, что Купершмит на этих страничках отдельно перечисляет произведения, написанные теми или иными авторами «в жанре невозможного преступления». Иногда (часто) это выглядит не очень убедительно: например, у БН он называет «Инженер слишком любил цифры» и «В заколдованном лесу (Замок спящей красавицы)». Получается, в «Той, которой не стало» нет «невозможности»? И проблема, мне кажется, не в том, что Купершмит что-то упустил, а в том, что само выделение «невозможного преступления» в качестве отдельной разновидности детектива условно. В детективе всегда есть эта невозможность, Вам не кажется? И уходит она корнями в то самое противоречие.

14.06.14

Нашел у Гармаш-Роффе (!) запертую комнату; разгадка не то, чтобы супер-пупер, но приличная (просто не новая). Позабавила фраза в конце этой повести (которая, кстати, называется «Властитель женских душ»³⁴) – дескать, произведений об убийстве в запертой комнате в истории детектива совсем мало...

³³ Речь идет о работе «Во и детектив». См. Моисеев П. А. Поэтика детектива. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017, С. 156–169.

³⁴ Гармаш-Роффе Т. Властитель женских душ. М.: Эксмо, 2011.

16.09.15

Сюжеты Булгаковой я помню: «*Только никому не говори*»³⁵ В дачном поселке бесследно исчезает девушка. Ее отец сходит с ума и повторяет бессмысленные на первый взгляд слова: «Была полная тьма. Полевые лилии пахнут, их закопали. Только никому не говори». Такие фразы вообще составляют одновременно сильную и слабую черту романов Булгаковой. Они завораживают, но, когда дело доходит до разгадки, выясняется, что эти фразы (со стороны формы, содержания или психологической оправданности) весьма неправдоподобны.

13.07.16

Не натянуты ли мои рассуждения о том, что детектив интересен тогда, когда преступник вынужден преодолевать «сопротивление среды», а, если он в состоянии поставить спектакль от и до, то это уже не очень хорошо?³⁶

28.07.16

...до 1977-го появились следующие, на мой взгляд, русские детективы: *Словин – Астраханский вокзал*, *Смирнов – Ночной мотоциклист* (кроме того, у Смирнова есть еще новелла – сейчас тороплюсь и не могу найти, но мне она показалась детективной, скорее всего, тоже до 1977-го). *Шестаков – Через лабиринт* и *Три дня в Дагестане*. Еще у этих же авторов были произведения, которых я не читал. Кроме того, в 1977-м Гусев выпустил «Шпагу князю Оболенскому!»

08.09.16

Пожелайте мне удачи, пожалуйста: только что отправил в редакцию переделанную статью о детективе и романтизме. С каждым годом все больше понимаю жалобы классиков на повсеместное торжество глупости. Романтики, кстати, тоже об этом писали.

26.12.16

...как раз сегодня получил отзывы. Они, как всегда, довольно дурацкие, но хотя бы признают возможность публикации после доработки. Скопирую их на всякий случай. Честно говоря, когда я получаю

³⁵ Булгакова И. Только никому не говори. // Булгакова И. Только никому не говори. М.: Светоч, 1993, с. 7-190

³⁶ Речь идет о статье, в которой обсуждается роман А.Кристи «Восточный экспресс». См. Моисеев П.А. Об одном мнимом шедевре Агаты Кристи. // Моисеев П. А. Поэтика детектива. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017, с. 170-180

очередной отзыв, у меня уже начинается сердцебиение. Не доживу я до признания моих скромных идей.

05.05.17

О Пронине: я тут вспомнил «Карты на стол» Кристи и подумал, что психологизация «незаметных улик», которая отличает Пронина от Габорио, Моррисона и Фримена, начинается, наверное, как раз с нее.

24.07.17

...на мою статью о религиозных истоках детектива пришел отрицательный отзыв из очередного журнала. Как Вы думаете, написать отзыв на отзыв? Он вполне дурацкий. Пребываю в расстроенных чувствах.

16.10.17

Одно утешает: книга вышла, а статью³⁷, если уж придется сильно ее покорезить, можно на сайте не выкладывать. Главное – чтобы опубликовали и защититься удалось. И все равно противно – самоутверждаются, а соображать не хотят и не умеют. Скабичевский по сравнению с ними – просто Аристотель.

03.12.17

...на той неделе мне написал Чиж – написал спасибо за внимательное чтение, написал, что не совсем согласен с моим отзывом, но все равно готов мне подбрасывать книжки еще до выхода. Приятно.

05.12.17

Относительно Эванс-Уилби³⁸: мне кажется, объяснение здесь простое. Если переводить название дословно, получится «Почему не позвали Эванс?» Но важно, чтобы читатель не догадывался, что Эванс – женщина. И переводчики либо перестраивают фразу («Почему же не Эванс?»), либо заменяют фамилию на несклоняемую.

04.01.18

И еще хотел немного заступиться за «Завещание Шерлока Холмса» Боба Гарсиа³⁹, которое вы упоминаете в дневнике. С одной сторо-

³⁷ Речь о статье «Реалистический проект» в истории детективного жанра (на примере английской литературы)). Существенно измененный вариант этой работы вошел в состав «Поэтики детектива». См. Моисеев П.А. Реалистическая манера повествования и детектив. // Моисеев П. А. Поэтика детектива. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017, с. 22–39

³⁸ В ответ на недоумение Н. Вольского: почему переводчик заменил фамилию *Эванс* на *Уилби* в названии романа А.Кристи.

³⁹ Гарсиа Б. Завещание Шерлока Холмса. СПб.: Амфора, 2013

ны: куча бульварщины; плохое знание КонанДойля; абсолютно на КонанДойля непохоже. С другой стороны – загадка там все же есть, та же, что у Кристи в «Алфавитном порядке». А разгадка другая! Но, конечно, заставляя дочитывать его нельзя – пишет он действительно очень так себе, чтобы не сказать больше.

17.06.18

Да, мне тоже не понравилось⁴⁰. Про «Золотого жука» лучше. Когда нет мыслей – лучше ограничиться описанием.

18.07.18

Планы переводить Брамму, похоже, откладываются на неопределенный срок: издатель не хочет просто подбирать иллюстрации, близкие по смыслу. Предлагает Дика Донована (о нем я читал статью Ненароковой – детективность под сомнением) или Апворда (переведена повесть «Дело, о котором просили не печатать» – живенько, но не детектив). Не знаю, что делать. Может быть, выберу Донована – хотя бы разберусь, что он собой представляет. Ну и заодно буду потихоньку продавливать свою линию – авось-либо постепенно найдем что-то интересное в равной мере ему имне.

18.01.19

...что ж тут скажешь – погоня за модой не то что убила науку – а утопила ее в мусоре. И добро бы мода была путная⁴¹.

21.01.19

Да за дело, что уж там, не сомневайтесь⁴². Только что (полчаса назад) с коллегами костерили ВАК и вообще современную «науку».

⁴⁰ О статье А. П. Ураковой «Дар Эгара По: детективный жанр и его границы». // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т.77. № 2, 60–66.

⁴¹ В ответ на предыдущее письмо Н. Вольского, просмотревшего оглавления пяти номеров журнала «НЛО» и с грустью констатировавшего: «Просто ‘Молодой коммунист’ за 1977 год. Наверняка, там есть и что-то живое и интересное, но общее впечатление ужасно унылое – видно, что главная задача авторов вписаться в заданные ‘инстанцией’ клеточки, ни о чем другом они не заботятся. Тоска».

⁴² В ответ на сомнения собеседника относительно своих выкладываемых на сайте аннотаций на работы о детективе: «Я, кажется, сильно в конце разошелся и многих приложил – за дело, вроде бы? Как Ваше мнение?»

14.03.19

Она⁴³ вполне могла бы писать детективы – «Гарри Поттер» наглядно об этом свидетельствует. Но когда она решила этим заняться, то обратилась к образцам, к детективу имеющих далекое отношение.

15.03.19

Да, и еще: 1966-й год знаменателен не только «Лабиринтом» Шестакова и «Ночным мотоциклистом» Смирнова: тот же Смирнов в этом же году выпустил еще новеллу «Сети на ловца»⁴⁴ про того же героя, что действует в «Мотоциклисте», – на мой взгляд, детективную.

...Там загадка-то в духе «Дела мистера Фоггата» Моррисона или «Убийства в проходном дворе» Кристи: что такого заметил сыщик, что не заметили другие? Впрочем, в «Женской логике» Пронина фактически та же схема, только модифицированная: что такого важного было на месте преступления за пять минут до того, как его сфотографировали милиционеры?

30.03.19

Я читал и рецензировал у Роу «Загадочные убийства» – полицейский роман, но на грани детектива. Может, и «Агнец»⁴⁵ – ничего себе. У нее, кстати, еще три романа выходили, но, как сказал поручик Ржевский, «сего я тоже не читал». Относительно Стэгга⁴⁶ – жалко, конечно. Единственное оправдание для переводчика – автор достаточно на шумевший; его, помнится, и Кристи пародировала в сборнике про Томми и Таппенс.

01.06.19

А что касается рецензии⁴⁷... мне казалось, что я ее скорее хвалю. Правда, когда я писал рецензию на «Невидимый круг» Альтера, мне казалось, что я довольно сдержан, и хвалил я его отчасти даже из-за того, что а) книга лучше двух предыдущих и б) если уж совсем не хвалить, так, может, и вовсе Альтера не будут издавать. А получился, по Вашим словам, восторженный отзыв. Ну да в любом случае я не пишу того, чего не думаю, так что – даже если итог несколько расходится с намерениями – это не так страшно.

⁴³ Джоан Роулинг

⁴⁴ Смирнов В. Сети на ловца. // Искатель, 1966, № 5, 2-31

⁴⁵ Роу Дж. Агнец на заклание. М.: АСТ, 2019

⁴⁶ О книге Клинтона Стэгга «Серебряная сандалия» (Тимашевск: Издательство ИП Кузнецов Г.Е., 2019)

⁴⁷ На книгу Елены Михалковой «Человек из дома напротив» (М.: АСТ, 2019)

08.07.19

И о детективе: начал читать «Седмицу Трехглазого» Акунина⁴⁸. Прочитал три главы, и во второй наткнулся на нечто среднее между детективом и полицейским романом. Если это детектив, то довольно немудреный, но, тем не менее... Возможно, там и еще что-то есть: это, в сущности, не роман, а сборник новелл и рассказов.

14.07.19

Вопрос сложный⁴⁹. Мне кажется, что Грин все-таки интересна в контексте истории детектива. Вот если бы я писал послесловие к какому-нибудь недетективному роману Коллинза, пришлось бы писать иначе – у него детективов-то раз-два и обчелся. С другой стороны, я четко различаю ее детективные и недетективные вещи, а все прочие, кто о ней пишет, сваливает их в одну кучу. Поскольку в сборнике будут две сенсационные вещи и одна детективная, нельзя писать о ней только как об авторе сенсационных романов. Кроме того, поскольку других сборников Грин пока не планируется, я и пишу о ее творчестве в целом, насколько я его знаю. Возможно, я не прав. Но, с другой стороны, я не готов говорить о ее месте в истории сенсационного романа.

[И затем, в ответ на реплику собеседника: «Но, может быть, всё же написать какой-то абзац о сенсационном романе вообще, а потом свернуть на детектив...]

Не чувствую, как это можно сделать. Ведь Грин начала именно с детектива, она не шла к нему постепенно, как Коллинз, скорее отклонялась от него (детектива) в сторону сенсационного романа.

28.07.19

Кстати, дама из «Эксмо» написала мне комплименты: «Чужу всегда очень важно и интересно читать ваши рецензии»; и в следующем письме: «Ваши рецензии всегда интересно читать (особенно нам)». Смешно; вроде рецензент – а чувствую себя автором. Но – доброе слово и кошке приятно, а не то что рецензенту.

⁴⁸ Акунин Б. Седмица Трехглазого. М.: АСТ, 2019

⁴⁹ О послесловии к сборнику произведений Анны Грин (Моисеев П. Анна Грин – между загадкой и сенсационностью. // Грин А.К. Дом в тумане. Сборник произведений. Перевод П.Моисеева. Ярославль: Издатель ИП Мамонов В.В., 2019).

13.08.19

...согласитесь, «Бой»⁵⁰ написан все-таки очень... бойко; если бы он еще и построен был так же ловко, как написан.

[И через некоторое время, соглашаясь с замечанием Вольского: «Всё бы можно было простить и смотреть на это сквозь пальцы, но, как Чандлер говорил: если детектив не получился, то и обсуждать здесь больше нечего. Конечно, Чиж способен – в принципе – написать хороший (даже увлекательный) детектив, но как это сделать, не имея сюжета].

Увы. Ну – хоть скука исчезла, которой было много в «Лабиринте Химеры»⁵¹; на сегодняшний день «Химера» – это нижняя планка Чижа.

13.08.19

Кстати: вот мы тут с Вами обсуждали, что Чижу мои рецензии должны понравиться, а ГР⁵² нет, и я вспомнил недавно прочитанную «Тихую, как последний вздох» Алекса⁵³. Когда я ее начинал, то думал, что жертвой станет дама – критик детективных романов. И почувствовал странное родство судеб. Впрочем, в романе до этого не дошло – надеюсь, не дойдет и в жизни.

13.08.19

...а еще на мою старую рецензию о Любенко наткнулся сам Любенко – и выложил на Фейсбуке ссылку на нее с замечанием: «Кажется, появился стоящий литературный критик, разбирающийся в детективе. Мнение интересное, хотя и не бесспорное». Приятно. Или я уже об этом рассказывал?

01.09.19

Получил ответ из «Воплей» относительно первой части «Русского детективоведения»⁵⁴. Ответ неоднозначный: эту статью они публиковать не хотят – но хотят отдельно про Чуковского. Не лучший, но и не худший расклад. Напишу! Точнее, вырежу и расширю.

⁵⁰ О книге Антона Чижа «Бой бабочек» (М.: Эксмо, 2019)

⁵¹ Чиж А. Лабиринт Химеры. М.: Э, 2017

⁵² Татьяна Гармаш-Роффе

⁵³ Алекс Дж. Тихая, как последний вздох. // Нёман, 2014, № 6, 102-138 и № 7, 81-141.

⁵⁴ Так и не дошедший до публикации и неоконченный (были написаны только две первые части) обзор отечественных работ и критических заметок о детективном жанре.

09.10.19

Что-то два дня подряд невезуха какая-то. Посылал первую часть «Русского детективоведения» в «Вестник Томского университета». Рецензия –кратчайшая: работа является скорее эссе, чем литературоведческой статьей и поэтому не может быть рекомендована к публикации в научном журнале... Понятно, что не в первый раз – и все равно... неприятно. Такое чувство, что человек (?) просто не читал.

07.11.19

...я вспомнил еще одну леди-детектива докрестиевской поры: у Райнхарт есть сборник новелл 1911 года *The amazing adventures of Letitia Carberry*. Его грозятся издать вместе с какими-то другими авторами в сборнике «Старые девы идут по следу». Но когда этот сборник выйдет – неизвестно. Зато скоро выйдет том «Криминальное чтение и не только» – готовили те же люди, что и «Не только Холмса» и «Только не дворецкого».

11.11.19

Из замечаний к первой части⁵⁵ – забыл упомянуть: Кристи все же не единственный детективист, создавший двух разных, но в равной мере ярких сыщиков. Второй – это, разумеется, Акунин.

03.12.19

Может быть, здесь то же русско-«интеллигентское» отношение к жанру? ⁵⁶ Дескать, По – классик, а вот детектив – ерунда, хвалить которую неловко.

...В том-то и дело, что, по словам Лукьяновой, это февраль 1909 года – то есть уже после статьи «Нат Пинкертон», в которой он Конан-Дойля скорее хвалит!

04.12.19

Любопытный этот автор Готорн: рассказ⁵⁷ – в общем и целом – можно считать детективом, а книжка вышла в 1893 году, то есть почти

⁵⁵ Речь идет о неоконченной работе Н. Вольского «Сыщик-джентльмен, или Социальная роль детективного жанра»

⁵⁶ По поводу цитируемого в книге Лукьяновой пренебрежительного отзыва К. Чуковского о Конан Дойле: «сэр Артур Конан-Дойл, постылый автор постылого Шерлока Холмса, которого напрасно считают наследником По в детективном жанре» (Лукьянова И. Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия, 2006, с. 206).

одновременно с первым циклом о Холмсе. Интересно было бы посмотреть, что там за рассказы.

16.12.19

Да, Михалкова все сворачивает на истории из жизни⁵⁸. Хотя сюжет «Рыбы»⁵⁹ в целом вполне детективный (загадка мотива).

...но она ближе к детективу, чем Маринина – и, на мой вкус, пишет увлекательнее, чем Гармаш-Роффе. У ГР и еще один недостаток есть: если разобраться, то видно, что сюжет очень прост и не вполне детективен, просто вокруг него намотано много событий, не имеющих отношения к делу. Михалкова – по крайней мере, в некоторых вещах – все же схему соблюдает, хотя, может, и правда, ее не осознает.

20.12.19

На самом деле в последние годы он⁶⁰ – мой любимец скорее по инерции: учитывая былые заслуги, еще надеюсь, но новые книжки читаю уже без того энтузиазма. Впрочем, все равно с интересом. Вот когда он опустится до уровня «Весь мир – театр»⁶¹, тогда я точно на нем крест поставлю.

01.01.20

Николай Николаевич, оказывается, у Кавелти переведен еще один текст:

Канонизация, современная литература и детектив. / Пер. и вступ. слово В.Дёмин, Т.Амирян. // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы седьмых Андреевских чтений. – М.: Экон, 2009. С. 380–393.

Не ахти какой мыслитель, и в электронном виде я этот текст не нашел, но – на всякий случай сообщаю.

19.02.20

У Карра я героям действительно не верю, несмотря на всю свою любовь к эксцентрике. А у Сэйерс – верю, так бывает. Я сам такой.

⁵⁷ Имеются в виду американский писатель Джулиан Готорн (Julian Hawthorne, 1846–1934) и его рассказ «Исчезновение Гривза», впервые опубликованный в сборнике *Six Cent Sam's* в 1893 году.

⁵⁸ В ответ на мнение, высказанное в письме Н.Вольского: «...прочитал Михалкову – не умеет она детективы писать и не научится никогда, нет у нее этого дара (ощущения)».

⁵⁹ Михалкова Е. Самая хитрая рыба. М.: АСТ, 2019.

⁶⁰ Антон Чиж.

⁶¹ Роман Б.Акунина.

26.02.20

Николай Николаевич, нашел в электронном виде вот такой сборник детективов Честертона⁶². Еще (из не выложенного в Антологии) у него вполне детективны «Поэт и безумцы», но их я в электронном виде не искал – может, где и есть.

02.03.20

А предисловие Борхеса к этому Честертону не думаете выставить? Оно краткое и не вполне справедливое к КонанДойлю, Сэйерс и Ван Дайну, но в основном там мысли справедливые. Мне еще с юности запомнилась формулировка о том, что Честертон не объясняет ничего, кроме необъяснимого.

02.03.20

...интересно, что Кристи все-таки упрекала Сэйерс именно за то, что она лорда Питера «влюбила». Конечно, она могла иметь в виду последующие романы – а могла уже и в этом чувствовать что-то не то: утрату легкости, ненужные диалоги лорда Питера с Гарриет...

Все-таки попробую опубликовать – потому что упоминаний о сходстве, точнее даже о «родстве» этих романов мне не попадалось⁶³.

04.04.20

А в бумажном виде я Вам привозил сборник Любенко «Поцелуй Анаконды», там безусловно детективна «Загадка Амфиокса» и более сомнительны, но, на мой взгляд, все же детективны, «Обезглавленный пассажир» и «Замок с привидением».

14.07.20

Николай Николаевич, а вот Вы говорите, что Майн Рид случайно набрел на детектив. Но ведь он был знаком с Эдгаром По!

16.10.20

...

⁶² Честертон Г. К. Парадоксы мистера Понда. СПб.: Амфора, 1999.

⁶³ Речь идет о не доведенной до завершения статье «Кристи против Сэйерс: о возможном источнике романа «Печальный кипарис»».

*Казанков А. И.,
к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК*

Тайна самовозжигающейся лампы

Памяти П. А. Моисеева

Петр Алексеевич любил детективы. И не только любил, но и писал на них виртуозные рецензии. Поэтому автор решил посвятить ему маленькую архивно-документальную новеллу. Она ни в коей мере не претендует на научность – уж слишком много лакун пришлось заполнить «продуктивной силой воображения». Но и абсолютно вымышленными описанные в ней события назвать не представляется возможным. Итак,

ТАЙНА САМОВОЗЖИГАЮЩЕЙСЯ ЛАМПАДЫ

Хмурый и невеселый, шаркающей ревматической походкой ранним утром двадцать шестого дня сентября месяца 1935 года вошел в свой кабинет начальник Кунгурского райотдела НКВД Александр Викторович Пермяков⁶⁴.

Проснувшись утром с тянущей болью в суставах, он сразу понял – день не задался. Застудил их давно, еще в армии, и точно знал, что избавления от этой напасти нет никакой. Дебелая вдова, у которой Пермяков квартировал, утверждала, что помогают компрессы из первача, настоящего на курином помете. «Мой Пантелеша, царство ему небесное, всегда только тем и спасался» – всякий раз говаривала Раиса Гавриловна, привычно осеняя крестным знамением свой обширный бюст.

Ее покойный муж, Пантелеймон Михалыч, отвоевал всю империалистическую без единой царапины, словно только для того, чтобы умереть от тифа в своей постели. «Шрапнель пожалела, да вошь заела» – неуклюже срифмовал про себя Пермяков. Вдове он не верил: «Пантелеша», судя по всему, ничем страдать не мог, а вот перенести прямое попадание из легкого полевого орудия – запросто. Фотография здорового унтера с усами и георгиевским бантом, по-мещански заключенная в рамочку со стеклом, красовалась на комод в горнице. В

⁶⁴Справка. Бывший сотрудник УНКВД Свердловской области Пермяков Александр Викторович 1903 года рождения, уроженец гор. Красноуфимска из органов уволен 8/VIII – 1940 года за фальсификацию уголовных дел (Сообщение следственного дела УКГБ по Свердловской обл. от 14 декабря 1956 года). ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 9. Л. 284.

деревнях Красноуфимского уезда, откуда происходил начальник райотдела, крестьяне крепили карточки прямо на стену рядом с божницей.

«А самогон всегда лучше внутрь» – неожиданно сложилось в голове заключение. Однако, зацепившись за божницу, мысль оперуполномоченного плавно перетекла ко второй причине его скверного настроения. В запертом на ключ верхнем ящике канцелярского стола, доставшегося в наследство еще от уездной земской управы, лежал рапорт Филиппа Булатова⁶⁵. Накануне вечером он застал подчиненного перед открытым монументальным сейфом, некогда принадлежавшим купцу Александру Прохоровичу Чулошникову, а ныне выкрашенным масляной краской казенного серого цвета и имеющем надлежащий инвентарный номер. Филипп Петрович укладывал на полку отстегнутую кобуру с наганом. «Издалека вернулся» – подумал Пермяков. Булатов брал с собой табельное оружие только выезжая «в район» – больше для важности, чем по надобности. В деревнях уже года три как было спокойно.

Продолжая стоять спиной к начальнику, оперуполномоченный заговорил. Голос звучал глухо, как из бочки, поглощаемый толстой сталью сейфа, отчего сказанное приобретало зловещий оттенок:

- В Хмелевке и Ленском опять «чудесят».
- От кого информация?
- «Стрелы» и «Коневой».

Даже в разговорах между сотрудниками спецосведомов не полагалось называть по именам. Но Пермяков прекрасно знал, о ком идет речь.

- Что у них опять?

Булатов запер дверцу сейфа персональным ключом, обернулся. Повидимому, торопясь домой, заговорил короткими отрывистыми фразами.

– Церковь провалилась. В землю. По окна. Затем «вывалилась». Икона заговорила. Лампада зажигается. Сама собой, ночами. Рапорт на столе. Провел беседу. Подтверждают. Готовы дать показания. Разрешите идти?

- Ступай уже.

⁶⁵Булатов, Филипп Петрович в 1935 г. проходил службу в кунгурском РО НКВД. В феврале 1936 г. Булатову Ф.П. будет присвоено звание младшего лейтенанта ГБ (Приказ НКВД СССР № 78 от 09.02.1936). В 1944 г., уже будучи майором ГБ, он будет награжден медалью «За отвагу» за операцию по выселению из Крыма крымских татар, болгар, греков, армян (Указ Президиума ВС СССР от 07.07.1944 № 218/22). Через 20 лет награду отменят (Указ Президиума ВС СССР от 03.02.1964). См: https://nkvd.memo.ru/index.php/Булатов,_Филипп_Петрович.

От нехорошего предчувствия заломило в висках и, почему-то, зачесалась шея. «Вот по шее-то и получишь» – подумал Пермяков, но отложил чтение рапорта до утра, поскольку рабочий день начальника райотдела закончился. А может, специально время хотел потянуть?

Теперь скверная бумага лежала перед ним на столе. Тихо крикнув от боли в спине, он сел и погрузился в чтение.

«Ко мне зашла мироносица – последовательница егоровщины и котельниковщины – Шляпина Евдокия, лет – 45, дер. Березово, Ленского сельсовета, которая распространяет слухи о «чудесах», творимых в Ленске, якобы:

«Сторож церкви увидел, как вся церковь стала с вечера постепенно проваливаться, он, сторож, сбегал в сельсовет, когда пришли, то церковь немного углубилась, по окна, народ видел это и работники сельсовета вчера никуда не позвонили, так как думали, что никого нигде не найдут, решили утром, а утром оказалось, что церковь оказалась в старом положении»⁶⁶.

«Так, по морям, значить, играя носится с мироносцем мироносица»⁶⁷ – припомнилось откуда-то. В клубе услышал. «Чушь какая, что им в море делать?» – он стал читать дальше:

«Сельсовет с вечера решил убрать икону тихвинскую божью мать и сжечь, когда пришел утром убирать икону, то она заговорила женским голосом: «Вы меня не троньте, вы меня хотите изрубить и сжечь». После этого сельсоветчики изумились и оставили икону в покое»⁶⁸.

«Ладно, младенец Иисус смолчал» – кисло подумал Пермяков. А то бы, глядишь, сельсоветчики и вовсе со страху обмарались, кабы они в два голоса завели. Но где-то в голове отозвалось камертоном: «Егоровщина, котельниковщина, ленская церковь... это где «дева Агриппина» что ли?». Он взял карандаш и одним махом начертил резолюцию:

«В аг-переписку «Чудотворцы». Сконцентрировать все ранее поступившие материалы на «АГРИППИНУ» и других. С.о.⁶⁹ «Конева» и

⁶⁶ Сообщение осведомителя «Конева». ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 18.

⁶⁷ Неточная цитата из стихотворения В.В. Маяковского «Военно-морская любовь».

⁶⁸ Сообщение осведомителя «Конева». ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 18.

⁶⁹ В данном случае «С. о.» означает «специальный осведомитель», т.е. «внештатный секретный сотрудник органов ОГПУ, выполнявший их задания по работе антисоветских организаций, групп и отдельных лиц. Введен приказом ОГПУ от 15 ноября 1924 года. Категория С.о. упразднена приказом НКВД СССР в

«Стреле», взяв фигурантов в активную разработку, обзавестись надлежащим осведомлением и завести агразработку»⁷⁰.

Отложив карандаш, начальник райотдела потер переносицу. Ехидничать над сельсоветчиками можно сколь угодно, но с них-то не спросится. Ни за «деву Агриппину» с проваливавшейся церковью, ни за икону говорящую, ни за кудесника-попа Егорова, ни за срыв плана сплошной коллективизации. Пошлют, если что, в РИК да в райком отписку, что, дескать, активу у них полтора комсомольца и школьный учитель – забулдыга, народ «подвержен религиозным предрассудкам», батюшка «приобрел влияние» и т.п. Научились правильные бумаги составлять. А отвечать за все опять ему. Что, мол, товарищ Пермяков, проворонили твои соколики антисоветскую вылазку контрреволюционного духовенства?

Перечитав резолюцию, оперуполномоченный хмыкнул – эк его: «обзавестись» да «завести». Очень «заводно» получилось, но при этом *правильно*. Придется отчитываться – вот смотри, агентурная переписка «Чудотворцы» ведется, разработка по-Ленскому – осуществляется. Осведомы работают.

На память, моментально связавшую «провалившуюся церковь», хмелевского священника и старуху-кликушу, Пермякову было грех жаловаться. Еще до того, как он возглавил Кунгурский райотдел НКВД, туда поступил донос. Не донос даже, а целый очерк, вроде тех, что в газете «Сталинский путь» печатают. Сигнализировал обиженный поп Александр Бердников:

«В декабре месяце 1931 года я был назначен священником в село Ленское на место отбывавшего принудработы священника Егорова Федора. В это время две женщины – Кузнецова Пелагея из дер. Средней-Мельницы и еще одна, сходили к еп. Иоанникию и просили, чтоб я у них служил только временно – до возвращения Егорова, но еп. Иоанний все же утвердил меня в Ленском на постоянную службу. Егоров шлет своим приверженцам письма и они, подогреваемые, идут в село Беляевку, Ор-

1938 году» / Контрразведывательный словарь. Москва: Научно-издательский отдел Высшей краснознаменной школы КГБ при Совете министров имени Ф.Э. Дзержинского, 1972 г. С. 319.

⁷⁰Сообщение осведомителя «Конева». ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 18.

динского района, к бывшему в то время там иерею – Ивану Котельникову, и по возвращении оттуда, подсылают ко мне верующего – Максима Ильича (из села Ленского) с вопросом – венчал ли я брак разведенные браки, я ответил, что по разрешению епископа – венчал. Тогда пошел слух, что я священник без благодати и группа Егорова, подговорив б [ывшего] в то время старосту церкви Кочергину Татьяну, пишет еп. Иоанникию заявление о том, что: «Матерь божия через деву Агриппину (старуха, старая дева, кликуша) наказывает перевести в другое место о. Александра (меня), а в Ленское назначить о. Федора (Егорова).

Заявление было подписано Кочергиной Татьяной, Кочергиным Николаем, Кузнецовыми Пелагеей и Евдокией, Пospelовым Михаилом и еще рядом других и внесены были ряд имен младенцев. Это установил я при расследовании этого дела по поручению епископа, который вызвал Егорова, но тот от участия в этом деле отказался. Епископ мне велел не служить в церкви до тех пор, пока «дева Агриппина» не будет убрана из церкви, где она жила. Я предложил ее удалить церковному совету, в частности Кочергиной Татьяне, но совет отказался это сделать, а я отказался служить. Тогда эта группа собирает в церкви вроде митинга и объявляет безблагодатным епископа Иоанникия. К этому времени группа мою церковь не посещает, а ходит сначала за 6 км в дер. Сухая Речка – к Егорову, а затем в дер. Змеевку, куда он перевелся. Епископ отлучает от церкви эту группу, а Егорову грозит также запрещением, если он будет у себя принимать этих лиц. Егоров же, мало того, что принимал их у себя в церкви, посещал кроме того д. Средняя Мельница и вне церкви – на домах вел с группой какие-то собеседования. Припертый к стене епископом, Егоров посылает группу ко мне с покаянием. Пришедшим ко мне – Кочергиной Татьяне, Кузнецовой Татьяне и еще кому-то, я сказал, что в течении полугода они должны посещать только мою церковь и я проверю их раскаяние. Они на словах согласились, но на деле ходили редко и опять же посещали Егорова, я на них бросил обращать внимание, епископ Иоанникий умер, а новый епископ Владимир снял с этой группы отлучение, а Егоров еще до этого перевелся в село Хмелевку»⁷¹.

⁷¹ Показания обвиняемого Бердникова А.П. от 16 октября 1935 г. Перм-ГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 8. Л. 14 – 15.

«Вызовем не допрос, все подтвердит, – решил Александр Викторович, – но что же там в Хмелевке случилось?». Он вернулся к рапорту Булатова. Спецосведом «Стрела» сообщал, что по всей западной части района, от Ботово до Юго-Осокино, ходили слухи о том, что в церкви о. Федора (Егорова) перед иконой божьей матери по ночам сама собой возжигается лампада.

Брови начальника райотдела невольно поползли кверху. На Егорова, конечно, дело-формуляр⁷² в палец толщиной, но зачем к «Стреле» в район ездить? Вон он, в двух кварталах, в управлении Кунгурской епархией сидит. Недоумение разъяснилось быстро. Рачительный подчиненный, направляясь на встречу с «Конево́й», не поленился от Ленского сделать большой крюк на север, чтобы, так сказать, провести реконсцировку на местности.

Добравшись до Хмелевки, Булатов успел провести беседу с приходским активом: председателем церковного совета Павлом Лазуковым, старостой Иваном Боровых, сторожихой монашкой Федорой Норовой, а также с гражданкой Анастасией Казанкиной, на которую ему указали все опрошенные. Они показали:

Казанкина А. Л.: Я ходила ночевать к соседке Боровых А. Т. и когда она, я и монашка Федора сидели вчетвером, пришла Попкова Татьяна и сказала, что в церкви горят лампы, на это Федора сказала: «Божьим изволом значит загорели. Господь зажег»⁷³.

Боровых И., Норова и Егоров среди населения распространяли слухи о том, что в церкви творятся «чудеса». По этому вопросу Норова лично мне говорила, что в церкви перед иконой божьимизволом зажигается лампада. Об этом она – Норова мне рассказывала со слезами на глазах. Я решил проверить, что это за чудеса, сходил в церковь, потушил лампаду. Ключи от церкви взял себе и лампада зажигаться более не стала⁷⁴.

⁷² Дело-формуляр – название *дела оперативного учета*, заводившегося на отдельное лицо в связи с поступившими в отношении его сведениями, которые давали основание подозревать его в проведении подрывной деятельности против СССР. Термин отменен в 1954 году/ Контрразведывательный словарь. Москва: Научно-издательский отдел Высшей краснознаменной школы КГБ при Совете министров имени Ф.Э. Дзержинского, 1972 г. С. 84.

⁷³ Протокол допроса Норовой Ф.А. от 5 ноября 1935 г. ПермГАСПИ.Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 7. Л. 22 – 34.

⁷⁴ Протокол очной ставки обвиняемой Норовой Ф.А. со свидетелем Боровых И. М. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 7. Л. 37.

Лазуков П.Я.: Священник Егоров и уборщица церкви Федора Норова оставляли всегда в церкви одну лампаду зажженной, но в последнее время я запретил и они перестали⁷⁵.

Норова Ф.А.: Слухов о каких-либо «чудесах» в церкви я не распространяла. Возможно, люди говорили о том, что под праздники у нас в церкви по ночам горела лампада. Лампаду эту в этих случаях зажигала я по приказанию священника церкви Егорова Федора, но объяснять горение этой лампадки «чудом» я никому не объясняла⁷⁶.

Ясности не прибавилось. И не прибавится – расспросив свидетелей, Булатов невольно «запечатал» их показания. Впредь они будут повторять только то же самое. «Займемся дедукциями» – решил Пермьяков. Слово это он любил, считал очень важным и всегда употреблял во множественном числе.

Итак, первое – в Хмелевской церкви лампада действительно горела. Второе – то ли после распоряжения председателя церковного совета, то ли после изъятия ключей церковным старостой, она гореть перестала. Третье – источником слухов о чудесном возгорании «божьем изволом» явно является Анастасия Казанкина. Эта сорока с удовольствием трещала на всех углах, используя любимую формулу сплетниц: «Попкова сказала..., Федора сказала...». А Федора, возможно, ничего и не говорила – четвертое. Кроме того, что зажигала лампаду по распоряжению отца Федора – пятое.

Пермьяков задумался. Что-то по-прежнему не сходилось. Если поп хотел и далее «представлять» чудо, он бы сделал это. Уж у него-то ключи от церкви точно имелись свои. Опять же, зачем поручать это лишнему свидетелю – сторожике? Зачем ему это вообще понадобилось? Ведь у него и так *репутация*... За этой мыслью явилась и другая: репутация Егорова, плюс слухи о самовозгорающейся лампаде, провалившаяся церковь, говорящая икона – на окраине вверенного ему района завязывался какой-то пакостный узел, чреватый скандалом областного масштаба. Отделом он руководил недолго, но довольно для того, чтобы сообразить – вот-вот начнутся тараканы бега: кто первый доло-

⁷⁵ Протокол допроса свидетеля Лазукова П.Я. от 18 октября 1935 г. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 8. Л. 21 – 22.

⁷⁶ Протокол допроса Норовой Ф.А. от 5 ноября 1935 г. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 7. Л. 22–34.

жит о чрезвычайном происшествии «по начальству», переложив тем самым ответственность на других.

Александр Викторович покосился на телефон. Массивный эбонитовый аппарат тускло поблескивал на столе справа. Трусливо мелькнуло в голове: «А не позвонить ли Куперу?». И сразу же вслед: «А, может, обойдется?».

Ах, если бы Пермяков был знаком с философией, то он наверняка бы знал, что мысль, не обладая бытием материальным, вполне материальна по своим последствиям. Но, увы, увы, – наш герой лишь научился ловко вставлять в речь мудреные слова, услышанные на курсах младшего комсостава или по радио.

Телефон меж тем зазвонил. Услышав голос в трубке, оперуполномоченный, снова крикнув от боли в спине, вытянулся по стойке смирно. И в течение семи минут то краснея, то бледнея, нервно теребя воротник служебного френча и переминаясь с одной страдающей ноги на другую что-то мямлил, отвечая на вопросы начальника 3 отделения секретно-политического отдела Управления государственной безопасности по Свердловской области лейтенанта ГБ Михаила Григорьевича Купер-Михеева.

Остаток дня они с подросевшим Булатовым, по невеликательному выражению Пермякова, «подбирали сопли» по делу Федора Егорова. То, что делу быть, уже решено в высших сферах. Машинистка отдела Анюта, по кличке «Анка-пулеметчица», строчила под диктовку не хуже своей тезки из картины «Чапаев». Аж казенный «Ремингтон» грелся. Но к вечеру все необходимые бумаги лежали в надлежащих папках.

Разошлись затемно. В конце сентября день уже стал заметно короче. Путь до дома Раисы Гавриловны пролегал мимо Успенского собора. Проходя мимо церкви, Пермяков в сгущающихся сумерках краем глаза заметил мерцание лампад в окне. «Самовозожглись» – невольно подумалось ему. Глупо конечно, но оперуполномоченный свернул к храму и постучал в закрытую калитку. Ему открыл сторож, от которого ощутимо пахло бражкой. Едва взглянув на человека в форме, словоохотливый церковный служака пустился в объяснения: завтра Воздвижение креста Господня, да. Дванадцатый праздник. Так и будут гореть, а как же. Раньше всю ночь служили, а теперь не приветствуется. Чтобы, значит, граждане хорошо высыпались перед трудо-

вым днем. А лампы — по чину. Положено. Насчет пожара не беспокойтесь — вон багор да ведро. За всем прослежу.

В мозгу у Пермякова что-то щелкнуло, как будто занозу выдернули. Все встало на свои места. Ни чуда, ни его имитации не было. Только слухи о слухах: «Она мне сказала, что ей говорили...». Хмелевский поп не виноват ни в чем. А, впрочем, он их, попов, всегда не любил. Вечно что-нибудь устроят — морока сплошная. По его личной шкале «враждебности» попы располагались значительно ниже троцкистов, но гораздо выше кулаков. Троцкистов Пермяков видел, правда, только на фотографиях в газетах, печатавшихся еще до их разоблачения. Зато на кулаков насмотрелся вблизи, когда зимой 30-го, уже старшиной-сверхсрочником, конвоировал их сотнями из заснеженных оренбургских степей в заснеженные забайкальские степи. Там и суставы застудил.

А пометом своим куриным хоть по шею обмажьтесь. Самогон — он лучше внутрь.

Лейбович О. Л.
д. истор. н, профессор,
зав. кафедрой культурологии и философии ПГИК

Статус советской социологии в системе общественных наук в 1970–1980 гг.

Советские историки повторяли слова Б. Дизраэли, сказанные им в палате общин в 1849 г.: «Посмотрите на состояние Франции, посмотрите на состояние всего центра Европы. Я нахожу во Франции республику без республиканцев, в Германии империю без императора, и это прогресс!»⁷⁷. Лидер британских консерваторов имел в виду недолговечную Вторую республику. В отечественных учебниках речь шла о первых годах Третьей республики во Франции с 1870 вплоть до 1875 г. Ей управляли тогда генералы и чиновники прежнего императорского режима; в представительных органах преобладали сторонники прежних династий. «Консервативная республика это и была “республика без республиканцев”, без республиканской конституции, без республиканских учреждений, без республиканского духа»⁷⁸.

Спустя столетие что-то подобное повторилась в иной стране и в иной, на первый взгляд, в неполитической сфере – в советской социологии 1960–1980 гг.

«В Советском Союзе годами бытовала поговорка о “социологии без социологов»”. Несмотря на то, что с шестидесятых годов немало высококвалифицированных социологов проводят исследования, ни один из них не учился по специальности в университете»⁷⁹.

В «Литературной газете» летом 1965 г. был опубликован очерк о значении нового социального знания для перспектив коммунистического строительства. В нем, между тем, отмечались и некоторые недостатки в организации социологических исследований:

«Можно ли представить физику без физиков, геологию без геологов, историческую науку без историков? Без физиков нет физики. Может быть, есть социология без социологов? Кто работает в почти

⁷⁷Республика без республиканцев: https://ru.qaz.wiki/wiki/Republic_without_republicans (дата обращения 28 02 2021)

⁷⁸ История Франции в трех томах/под ред. А. З. Манфреда. Т.2. Москва: Наука, 1973. С.119.

⁷⁹ Альберг Р. Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж. 1994. № 5. С. 88.

100 исследовательских социологических группах, имеющихся в нашей стране? Это философы и экономисты, демографы и этнологи, математики и психологи, юристы и географы, статистики и логики, учителя и инженеры»⁸⁰.

Иначе говоря, социология есть; она успешно развивается, вот только профессиональных социологов нет. Авторы очерка явно обращались не к интеллигентной публике, читавшей «Литературку», но к лицам, облеченным властью в отделе школ в аппарате ЦК КПСС и в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. Прочитали ли эти люди газетный материал, или нет, неизвестно, никакой реакции, однако, не последовало. И спустя 20 лет ситуация не изменилась. Т.И. Заславская – самый влиятельный советский социолог по официальному положению действительного члена Академии наук СССР писала в 1987 г.:

«В системе высшего образования страны нет ни одного социологического факультета, а кафедры социологии можно сосчитать по пальцам»⁸¹.

Процесс институализации советской социологии так и не был завершен. Социологическая ассоциация была создана в 1958 г.⁸² Правда, среди отцов-основателей были отнюдь не социологи, а «идеологические сановники»⁸³.

В 1968 г. в системе академии наук был учрежден институт конкретно-социальных исследований – отнюдь не социологических. В ученых советах защищались диссертации соответствующего содержания. Соискателям присваивались степени докторов и кандидатов философских, экономических или исторических наук. На крупных предприятиях появились социологические подразделения, однако советская статистика не внесла профессию «социолог» в социально-учетные группы, по которым распределялось все население страны.

⁸⁰ Михайлов В. Переведенцев В. Большие ожидания //Литературная газета. 14 июня 1967.

⁸¹Заславская Т. И. Роль социологии в ускорении развития советского общества//Социологические исследования. 1987. №2. С. 8.

⁸² См.: О создании советской социологической ассоциации//Вопросы философии. 1958. №8. С. 185–186.

⁸³Филиппов А. Советская социология как полицейская наука/ / НЛО. 2013. №5.: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10622/ (дата обращения 27 02 2020).

На рубеже 1990–2000 гг. советские социологи старшего поколения публично спорили между собой о положении их науки в эпоху позднего социализма⁸⁴. Эти дебаты были продолжением прежних разногласий. Люди, профессионально занятые в этой сфере, были разъединены по методологическим установкам, ценностным ориентациям, по образовательному уровню и исследовательским техникам в такой степени, что вряд ли будет корректно причислять их всех к особому социологическому сообществу. Иное дело, что господствующая академическая культура, будучи производной от культуры политической, предотвращала открытую полемику. В перестройку цензурные ограничения были сняты; социологи получили возможность называть вещи своими именами, в том числе, в адекватных терминах отстаивать собственные теоретические позиции, без обиняков оппонировать своим профессиональным и идейным противникам; открывать читателям невидимую закулисную сторону функционирования социологических институций. В дискуссии о состоянии и перспективах советской социологии приняли участие и зарубежные исследователи⁸⁵.

В дискуссии о статусе советской социологии были обозначены полярные позиции. Назовем их условно апологетической и критической. Так, прежний директор Института Социологии АН СССР М. Н. Руткевич, снискавший в свое время недобрую славу жесткого администратора и идеологического ревнителя, отстаивал достижения советской социологии:

«В отличие от официальных документов, научная мысль, особенно после возрождения эмпирической социологии в СССР с конца 50-х гг., опираясь на исследования реальных процессов и оставаясь в целом

⁸⁴ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С.Батыгин; ред.-сост. С.Ф.Ярмолюк. СПб., 1999.

⁸⁵ См.: Альберг Р. Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж. 1994. № 5. С.88–114. В 1970–1980 гг. проблему статуса советской социологии обсуждали историки науки на Западе, в т.ч. в ФРГ. См.: Gloeckner E. Aktuelle Probleme der Soziologie in der UdSSR (1966-1976) // Osteuropa. 1977. H.8. S. 647–664; Gloeckner E. Soziologie – ein Stiefkindsowjetischer Bildungspolitik // Osteuropa. 1979. H.4. S. 290 – 299; Teckenberg W. Organisation und Funktion der sowjetischen Soziologie // Beitrage zur Konfliktforschung. 1984. H.4. S. 35–58.

на теоретических позициях марксизма, пыталась дополнить эти формулы и привести их в соответствие с действительным строением общества»⁸⁶.

По М. Н. Руткевичу, советская социология была автономной по отношению к идеологической политике, марксистской по своим теоретическим установкам и продуктивной, то есть способной адаптировать партийные формулировки к реальностям советского общества.

Для С. Кордонского, в то время не занимавшего никаких постов в академической иерархии, напротив, социологии как действительного научного института в СССР не существовало: «В стране нет специалистов-исследователей, нет научных школ и направлений»⁸⁷. Советское общество осталось неизученным: «Население СССР полвека не знает, из каких групп состоит то общество, в котором оно живет»⁸⁸.

Болеет того, применять на практике марксистскую методологию было невозможно, поскольку «... все концы социальной структуры уходят в тень»⁸⁹.

Собственно, вся советская социология, по мнению ее критиков, была изводом от социологии американской⁹⁰; ее советизация сводилась к замене специальной терминологии:

«Например, социальная мобильность обозначалась как социальные перемещения, межклассовые образования именовались самым разным образом и, прежде всего, в терминах вроде "различия по характеру и содержанию труда", "рабочие-интеллигенты", "рабочие-крестьяне" и т.д.»⁹¹.

В последнее десятилетие тема советской социологии наполнилась новым биографическим содержанием. Так изыскания Б. З. Докторова были ориентированы на реконструкцию жизненного

⁸⁶ Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества// Социологические исследования. 1999, №4. С.22.

⁸⁷ Кордонский С. Министерство правды// Век XX и мир. 1989. № 2. С.31.

⁸⁸ Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации//Постижение. Москва: Прогресс, 1989. С.33.

⁸⁹ Рывкина Р. В. Персонажи и призраки социального мира//В человеческом измерении. Москва: Прогресс, 1989. С.125.

⁹⁰ См.: Castells M. The Urban Question. A Marxist Approach. Cambridge, MIT Press, 1977.

⁹¹ Голенкова З. Т. Игитхян Е. Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов//Социологические исследования. 2008. № 7. С.75.

пути семи поколений отечественных социологов⁹². Методом исследования он избрал интервью по электронной почте. По мнению Б.З. Докторова, «накопленный биографический материал и опыт анализа этих данных, думается, открывают новые возможности для изучения прошлого и настоящего нашей науки, для обозначения ее будущего. В целом это будет «человекоцентричная», или «антропологическая», история, следующая тому положению, что наука вершится личностями и поколениями»⁹³.

В фокусе коллективного профессионального внимания оказались мемуары отцов-основателей, их преемников, учеников и просто близких людей, в основном, апологетические в соответствии с жанром. Методология и техника исследования Б. Докторова вызвала критику: «Нет сомнения, интервью с ведущими социологами России – это важный материал для познания нашей истории. Но, с моей точки зрения, это все же исходный материал, а по характеру – публицистика»⁹⁴. Кроме того, измерение истории социологии поколениями не корректно: социологические школы не выстраивались «...по поколениям как группы в детском саду. Это был сложный *эволюционный процесс* передачи некоторых общих принципов научного анализа и научной этики, процессом, шедшим «поверх» условных поколенческих размежеваний. В формировании любой научной школы всегда участвует несколько поколений, связанных между собой общими аналитическими интересами и этическими принципами, научной средой и повседневным общением. То есть это был, по существу, *сетевой процесс*»⁹⁵.

⁹² Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс]. Москва: ЦСПиМ. 2016. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm; (дата обращения 27 02 2020) Докторов Б. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. – М.: ВЦИОМ, 2016. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451> (дата обращения 27 02 2020); Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. Ю.Р. Вишневского, Б.З. Докторова, Г.Е. Зборовского (Отв. ред.) — Екатеринбург: УрФУ, 2015. Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории: монография - Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

⁹³ Докторов Б. «Большой портрет» // Гефтер. 03.02.2017. <http://gefter.ru/archive/21007>. (дата обращения 25 02 2021)

⁹⁴ Яницкий О.Н. Была ли социология в СССР? Ответ Б.З. Докторову (22.06.2015) // Институт социологии РАН/https://www.isras.ru/blog_yan_75.html. (дата обращения 24 02 2020)

⁹⁵ Яницкий О.Н. Была ли социология в СССР? (18.06.2015) // Институт социологии РАН/https://www.isras.ru/blog_yan_74.html. (дата обращения 21 02 2020)

В настоящее время дебаты о статусе советской социологии являются маргинальным сюжетом, редко обсуждаемым в отечественных журналах и не представляющим особого интереса для издательств⁹⁶.

Впрочем, такое отношение к советской социологии соответствует ее реальному статусу в тогдашней системе общественных наук. Имеется в виду не только упомянутая выше незавершенность ее институализации, но и место в структуре гуманитарного знания и сохранившаяся на десятилетия неопределенность с предметом изучения, исследовательскими методами и социальными функциями.

Такой статус советской социологии отнюдь не был случайностью. В конечном счете, он был предопределен идеологической доктриной, в позднем СССР опирающейся на ленинские тексты. В его литературном наследии после 1895 г. этот термин встречается либо в сугубо ироническом ключе – и тогда помещается в кавычки, или в разоблачительном как знак принадлежности к буржуазному, или даже черносотенно-крепостническому образу мыслей⁹⁷.

Прочтя статью молодого тогда социолога П. Сорокина «О влиянии войны», председатель Совета народных комиссаров обнаружил в авторе «крепостника, реакционера, “дипломированного лакея поповщины”, который прикрывает свои взгляды «учеными ссылками на “социологические” труды. И вся эта «современная якобы наука на самом деле служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов»⁹⁸.

Советский обществовед, вооруженный ленинизмом, не мог, естественно, ничего общего иметь и с людьми такого сорта, и с родом их

⁹⁶ Осипова Н. Г. Советские ученые в борьбе за конституирование социологической дисциплины // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 1; Филиппов А. Советская социология как полицейская наука // Новое Лит. Обозрение. 2013. №5 // https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10622/; Яницкий О. Н. Была ли социология в СССР? 18.06.2015 // https://www.isras.ru/blog_yan_74.html; Фирсов Б. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012; Бороноев А.О. Первый всесоюзный симпозиум как новый этап институционализации социологии в СССР // Социологические исследования № 3, 2019. С.129–136.

⁹⁷ См.: Малинкин А. Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Часть 2 // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 4. С. 137–169.

⁹⁸ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма/В. И. Ленин Полное собрание сочинений в 55 томах. Т.45. Москва: Политиздат, 1967. С. 29–32.

занятий – детальным и кропотливым изучением процессов, происходящих в толщах общества.

«Социология понимается к концу 1920-х гг. уже не как дисциплина, а как совокупность критикуемых буржуазных теорий, в лучшем случае как обозначение-этикетка для статистического изучения городского и сельского быта или для создания общей схемы упрощенного изложения исторического процесса...»⁹⁹.

В шестидесятые годы противники социологии могли оперировать ленинскими цитатами. Ее защитники могли ссылаться на раннюю работу В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которой по подсчетам А. Н. Малинкина слово «социология» употребляется 35 раз¹⁰⁰. (По моим расчетам 27 раз – О. Л.). Причем автор ведет речь и о социологии Карла Маркса – научной, объективной, с наличием особого метода и т.п. Вот только объективная социология, по Ленину, полностью совпадает с материалистическим пониманием истории (впоследствии канонизированном в советской идеологии в словосочетании «исторический материализм»):

«Маркс... впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс». Социологический метод состоит в учении о классовой борьбе. Материалистическое понимание истории, социология и общественная наука в целом являются синонимами¹⁰¹.

«Исторический материализм и есть марксистская социология», – было сказано в дискуссии 1929 г.¹⁰².

⁹⁹ Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг.: западный контекст и советские обстоятельства // НЛО. 2007. № 6. / URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/akademicheskij-marksizm-1920-1930-h-godovzapadnyj-kontekst-i-sovetskie-obstoyatelstva.html> (дата обращения 05.04.2020).

¹⁰⁰ Малинкин А.Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Часть 1 // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С.156.

¹⁰¹ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?/В.И. Ленин Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 1. Москва: Политиздат, 1971. С. 139 – 140, 339.

¹⁰² Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929. № 12. С. 198.

Термин «социология» из этой триады можно исключить, чтобы не умножать понятий. В.И. Ленин, в конце концов, эту операцию произвел, оставив слово для клеймения «реакционных и антинаучных взглядов».

В 1960 – 1970-е гг. авторитетные философы соглашались с тем, что слово «социология» можно использовать в условиях мирного сосуществования с Западом для расширения международных контактов во имя грядущей победы в идеологической борьбе, но в виде своего рода экспортной упаковки для пропаганды исторического материализма.

Академик – секретарь отделения философии и права АН СССР, член ЦК КПСС, автор учебников по научному коммунизму П. Н. Федосеев писал: «Мне представляется, что исторический материализм составляет теоретическое содержание социологии. Нет и не может быть социологии вне или над историческим материализмом»¹⁰³. Местоимение «мне» не должно вводить в заблуждение. К тому времени изменился стиль директивных статей. Большому идеологическому начальнику вменялось в обязанность время от времени диктовать партийные директивы якобы от своего имени. Так казалось убедительней, поскольку соответствовало духу времени.

«Социология выявляет и выделяет преимущественно то общее, типическое, что присуще процессу всемирной истории», – утверждал со знанием дела другой высокопоставленный академик Е. М. Жуков¹⁰⁴.

При таком подходе социология считалась философской дисциплиной, другим обозначением исторического материализма, самостоятельного теоретического содержания не имеющей. Стало быть, готовить социологов на специальных факультетах было бы абсурдным занятием.

Тем более, им запрещались собственные концептуальные изыскания. Попытки такого рода партийными учреждениями пресекались на корню.

«В то же время с созданием Института конкретных социальных исследований АН СССР, – вспоминал заместитель директора ИКСИ Г. В. Осипов, – усилилось вмешательство партийного руководства в процесс научных исследований. Партийным структурам социология как наука была не нужна, более того, она вступала в конфликт с идеологизированным

¹⁰³ Федосеев П. Н. Социологические исследования в СССР // Социальные исследования. Вып. 2. Москва: Наука, 1968. С. 8.

¹⁰⁴ Переход от капитализма к феодализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. Москва: Наука, 1969. С.104.

видением социального мира. Начались грубое административное вмешательство в дела науки, расправы над ведущими социологами. Поводом для него послужила монография «Моделирование социальных процессов» (1970) под редакцией Г. Осипова и Н. Моисеева (Дело Г. Осипова). очередной поход на социологию преследовал не только цель дискредитации социологов-профессионалов, но и ограничения или сведения на нет социологического знания. Резко сократилось количество публикуемых работ, снизилось качество проводимых социологических исследований. Поступательное развитие социологии было вновь искусственно прервано. За этот разгром социологии полную ответственность несут зав. Отделом науки и вузов ЦК КПСС С. Трапезников, инструктор этого отдела Г. Квасов и секретарь МГК КПСС В. Ягодкин»¹⁰⁵.

В соответствии с идеологической традицией, заложенной в 1920-е гг. социология в глазах партийного руководства оставалась подозрительной по части ее буржуазного происхождения и антикоммунистической (в мягком варианте – некоммунистической) направленности. Для внешнеполитических потребностей исторический материализм можно было переименовать в марксистско-ленинскую социологию. Для внутренних надобностей допускалось заимствовать разработанные буржуазными специалистами техники и приемы для обеспечения более надежной обратной связи руководства с населением. А. Ф. Филиппов в этой связи характеризует советскую социологию как разновидность «полицейской науки», призванной «...обеспечить на деле декларируемое идеологами научное управление обществом. Однако стиль социологии как науки по большей части мог быть только импортирован. <...> Советская социология, по крайней мере в некоторое время и в некоторой части, была не столько теоретической, сколько практической дисциплиной — наукой о регуляции поведения, трансформации мотивов и распределении стимулов для достижения общего блага в бюрократическом, социально-полицейском государстве»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Осипов Г. В. Отечественная социология: история и современность // Социологические исследования. 2009. №3. С.10–11.

¹⁰⁶ Филиппов А. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. 2013. №5./ https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10622/ (дата обращения 27 02 2020).

Директора предприятий, а вслед за ними и партийные руководители среднего звена ожидали от социологии предельной полезности, иначе говоря, чуда: при помощи раздаваемых анкет и пробитых перфокарт решить накопившиеся хозяйственные проблемы, прежде всего избавиться от текучести кадров, отпадения трудовой морали, от массовых проявлений девиантного и деликвентного поведения. Эти люди не видели в хозяйственных затруднениях каких-либо социальных проблем. Партийный язык не был приспособлен для их обсуждения. Квалифицировать сбои хозяйственного механизма в виде «отдельных недостатков» казалось нереалистичным. Директора заводов на территории Союза сталкивались с одними и теми же проблемами: текучестью рабочей силы, во много раз возросшей после открепления работников от предприятий в апреле 1956 года, новыми возросшими требованиями инженеров и рабочих к условиям и содержанию труда, обеспеченностью жильем и продуктами, а также явным снижением трудовой морали. Согласимся с мнением А.Ф. Филиппова, что изменение политического режима: «размывание, трансформация контроля в более мягкие формы с середины 50-х годов в СССР приводит — и не может не привести — к появлению множества все более неподконтрольных, непредсказуемых событий. Это и появление нового рода мотивов, точнее говоря, изменение самого словаря мотивов, и увеличение горизонтальной мобильности, немислимой в прежние годы, и многое другое в том же роде»¹⁰⁷.

С этими спонтанными процессами власть справиться не могла, что и заставило «...государственную бюрократию признать, что она ничего не знает о причинах и формах протекания этого социального движения»¹⁰⁸.

Чтобы управлять обществом, надо знать, что в нем происходит. Для этого знания и нужна была прикладная практическая социология. Социолог — это помощник директора завода, возможно, председателя горисполкома, или секретаря парткома, нуждающихся в сохранении сложившегося порядка в новых условиях.

¹⁰⁷ Филиппов А. Советская социология как полицейская наука... (дата обращения 27 02 2021).

¹⁰⁸ Альберг Р. Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж. 1994. № 5. С.98.

В своих исследованиях и рекомендациях заводские социологи, как и их собратья по профессии из академических и вузовских лабораторий должны были исходить из поставленной перед ними задачи и не выходить «за красные флажки», то есть не нарушать сложившийся идеологический канон в его вербальной форме.

Социологи не имели права что бы то ни было «социально диагностировать», поскольку советское общество аргіогі считалось обществом здоровым; а слово «диагноз» использовалось в медицинской практике. Первые социологические исследования, проведенные во все-союзном масштабе в начале 1960-х гг., подтверждали этот тезис: советские люди были полностью лояльны «...по отношению к существующему в стране общественно-политическому и экономическому строю», более того, они демонстрировали «психическое здоровье нации»¹⁰⁹.

Впрочем, уже в те годы внимательные наблюдатели замечали некоторые симптомы политической апатии, или отстраненности от сложившегося идеологического порядка, прежде всего, в сфере общественной морали. Так партийный журналист Б.Н. Назаровский в письме в ЦК КПСС (скорее всего, неотправленном, но сохраненном в его личном архиве) предупреждал:

«Ряд существенных признаков показывает, что наше, коммунистическое влияние в массах трудящихся далеко еще недостаточно, мы еще плохо воспитываем народ.

Продолжает оставаться массовым явлением пьянство. Пьют очень много. Пьют далеко не только выбитые из жизни деклассированные элементы, пьют рабочие, пьет молодежь. Незаметно, чтобы это явление сокращалось. Пьянство остается основным средством для того, чтобы встряхнуться и развлечься. Сопоставление расходов на водку и на культурные нужды (которое я не имею возможности сделать) дало бы потрясающие результаты.

Среди молодежи, в частности рабочей, очень распространено хулиганство. Дело не только в хулиганских поступках, дело в идеологии хулиганства, распространенной среди молодежи – равнодушии к общественным

¹⁰⁹ Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С.109, 522 и др.

делам, неуважении к личности другого, представлении, будто счастье жизни в минуте. Комсомольские организации малочисленны»¹¹⁰.

Со временем деполитизация городской молодежи стала более заметной. КГБ СССР информировал ЦК партии:

«отдельные молодые люди, испытывая воздействие буржуазной идеологии, оказываются в ряде случаев неспособными преодолеть ее негативное влияние, заражаются настроениями политической демагогии, критиканства, пессимизма и допускают идеологически вредные и антиобщественные проявления».

Среди последних были выделены «проявления, не имевшие ярко выраженной политически вредной идейной направленности и допущенные на антиобщественной основе (действия, нарушающие общественный порядок, участие в антиобщественных действиях на основе подражания «хиппи», увлечение наркотиками, порнографией и т. п.)»¹¹¹.

Социологам вменялась в обязанность не только выявить причины «негативных проявлений», но и представить конкретные рекомендации по их преодолению, не затрагивая существующего порядка управления.

Задачи такого рода и были поставлены перед социологами, практикующими не в теоретических спорах, а непосредственно на предприятиях, либо в хозрасчетных лабораториях, или в различных звеньях профессиональной переподготовки управленческих кадров.

Естественно, что решить их они не могли, какими бы исследовательскими техниками ни пользовались, где бы ни стажировались, как бы материально ни заинтересовывались.

Выяснив, что социологи никакими магическими практиками не владеют, а их рекомендации по большей части не исполнимы, хозяйственники быстро разочаровались в социологии. В конце концов, им нашли применение: составлять планы социально-экономического развития на пятилетку по уже готовым показателям, в лучшем случае,

¹¹⁰ Назаровский – ЦК КПСС. Черновик письма. Б. Д. 1959 // ПермГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д.52.Л.59–60.

¹¹¹ Аналитическая справка о характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодежи» начальника 5 управления КГБ при СМ СССР Ф. Д. Бобкова. 03.12.1976 // Власть и диссиденты: из док. КГБ и ЦК КПСС / Арх. нац. безопасности при Ун-те Джорджа Вашингтона (США), Московская Хельсинская группа; подгот. Текста и коммент: А. А. Макаров, Н. В. Костенко, Г. В. Кузовкин. — Москва: Московская Хельсинская Группа, 2006. С.139, 143.

«привязывать» к ним результаты социологических исследований. Партийные комитеты заказывали опросы об эффективности работы политического просвещения: какие темы занятий слушателям более всего интересны, как часто они читают газеты и т.п.

Социологию готовы были интегрировать в систему общественных наук в том случае, если она даст надежную информацию для хозяйственного руководства о состоянии дел на предприятиях, в городе, или в селе, а вместе с нею практичные рекомендации по исправлению недостатков, а в самом благоприятном варианте, силами социологов их исправит. При этом социологическая информация не должна была расходиться с информацией официальной, разве что ее детализировать и в чем-то уточнять. В рекомендациях же не полагалось каким-либо образом затрагивать сложившуюся иерархию.

«Никакие исследования реального распоряжения собственностью, реальной дифференциации по размерам доходов и объему власти не велись»¹¹².

Читатели социологической литературы искали и находили описания советского чиновничества в публикациях о зарубежных обществах.

«Творческая обстановка в ИМРД позволила мне написать первую серьезную работу, ставшую докторской диссертацией: «Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы». В ней впервые удалось проанализировать один из важнейших институтов Китая – ганьбу и их роль в общественно-политической жизни КНР. Она произвела большое впечатление и вызвала многочисленные дискуссии. В ганьбу многие увидели советский аналог – партийную бюрократию», – вспоминал историк-китаевед¹¹³.

Партийную бюрократию в СССР исследовать было нельзя. Вместо этого предлагалось изучать идеологические фантомы, вроде трудового коллектива как социальной ячейки общества. Его «... содержание определялось той целью всестороннего гармонического развития личности, которая была сформулирована авторами концепции коммунистического

¹¹² Рывкина, Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации // Постижение. Москва: Прогресс, 1989. С.33.

¹¹³ Гельбрас Виля Гдаливич Interview With Vilya G. Gelbras // Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. Том 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С.142.

строю как идеального мироустройства», – повторяет теоретическое обоснование своих трудов советский социолог. Затем уточняет, что исследования такого рода были очень полезны, так как способствовали «... развитию профессионального общения социологов и управленцев, что выражалось в проведении сравнительно большого количества конференций и семинаров для специалистов по проблемам социального развития предприятий и организаций. <...> При этом образовательная программа социологов гармонически сочеталась с обзорными экскурсиями по местам проведения круиза»¹¹⁴.

К концу советской эпохи советские социологи образовывали вертикально организованную ранговую профессиональную группу. На ее верхних этажах располагались академические работники, владеющие особым ценным в этой среде знанием иностранных языков, зарубежной литературы, особым тезаурусом. Они стали своими в среде гуманитариев нового призыва, обособливающих от ветеранов идеологических битв при помощи тех же инструментов:

Знание (хотя бы пассивное) иностранных языков, чтение иностранной профессиональной и художественной литературы, популярных книг, журналов было важнейшей категорией поведения и важнейшим фактором социальной селекции в описываемом кругу»¹¹⁵.

Способом «консолидации и активизации социологов» были конференции и семинары¹¹⁶.

Академическая социология была организована как множество кружков, то есть малых сообществ вокруг авторитетного и авторитарного лидера. С известной долей упрощения этот сообщество можно отождествить с корпоративным объединением вокруг исследовательской программы. «Конечно, совсем не всякий кружок образует реаль-

¹¹⁴ Русалинова А. Из истории советской социологии эпохи «развитого социализма». Проблема образа жизни трудового коллектива как социальный заказ в СССР 60-80-х годов XX века// Телескоп (119). 2016. №5. С.9.

¹¹⁵ Гаспаров Б. М. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен//Московско-Тартуская семиотическая школа. История воспоминания размышления/ Составление и редакция С.Ю. Неклюдова. Москва: Языки русской культуры. 1998.С.60.

¹¹⁶ См.: Бороноев А. О. Первый всесоюзный симпозиум как новый этап институционализации социологии в СССР // Социологические исследования 2019. №3.С.130.

ное научное направление – иногда это скорее желаемое, чем действительное»¹¹⁷. Лидерство было вполне реальным.

«Крайне любопытно, что некоторые из этих ученых вообще почти ничего не писали. <...> Самая главная функция (и миссия, если угодно) этих культовых личностей и заключалась в том, что они были своего рода сгустком традиции, в них концентрировалась сама возможность передать наследие. Мыслитель здесь воспринимается в первую очередь как хранитель традиции и тот, кто традицию передает, а вовсе не как изобретатель новых форм, новых идей, парадигм, чего хотите нового. Он способен и смог вопреки внешнему миру или сохранить в себе, или найти заново великую традицию и теперь передает ее остальным»¹¹⁸.

В очаговом характере организации академической социологии можно обнаружить некоторые следы ее автономности, но только в ней. В целом же академическая социология, по выражению Б. Грушина, была «...вроде ученого совета при Чингисхане. Будешь стоять на своем, говорить правду — не снесешь головы, будешь угождать, лгать — останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...»¹¹⁹.

Нельзя было нарушать «... методологическую дисциплину мысли». Так на позднем партийном языке формулировалось отступление от идеологической линии¹²⁰.

Заводские социологи были рангом ниже. Они входили в состав инженерно-технического персонала предприятий, наравне с инженерами по соцсоревнованию и рационализации и изобретательства. Социологов трудоустраивали в отделы научной организации труда, или в кадровую службу. Премировали по итогам квартала, или года, отправляли на вре-

¹¹⁷ Успенский Б. А. К проблеме генезиса Тартуско-Московской семиотической школы // Московско-Тартуская семиотическая школа. История воспоминания размышления / Составление и редакция С. Ю. Неклюдова. Москва: Языки русской культуры. 1998. С.34.

¹¹⁸ Берелович А. О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе) // Новое литературное обозрение. 2005. №6: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/o-kulte-lichnosti-i-ego-posledstviyah.html> (дата обращения 28 02 2021).

¹¹⁹ Грушин Б. А. Ученый совет при Чингисхане? // Открывая Грушина / Ред.-сост. М. Е. Аникина, В.М. Хруль. Москва: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С.302.

¹²⁰ Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической массово-политической работы партии // Справочник партийного работника. Москва: Политиздат, 1984. Вып. 24. Ч. 1. 1984. С. 30.

менные работы на стройку или в подшефный колхоз, откомандировывали по их просьбе на научно-практические конференции. Им полагалось составлять и распространять анкеты, писать по результатам опросов докладные записки, составлять, или хотя бы участвовать в составлении планов социально-экономического развития и отчетов по ним, организовывать сотрудничество со сторонними социологическими организациями. В целом, социологи были интегрированы в заводскую среду.

Подведем итоги. Поздняя советская социология пребывала в состоянии амбивалентном. Она представляла собой недостроенный профессиональный институт, интегрированный в советскую систему, то есть выстроенный по ее лекалам. Автономность советской социологии в ней была слабой и условной; она не охватывали ее целиком, но могла быть реальной в отдельных звеньях в соответствии со сложившейся конъюнктурой. Социологи могли, в конце концов, приобрести право быть профессионально-учетной группой, но в сообщество (класс для себя) не сложились.

В иллюзиях по поводу практической значимости социологии можно обнаружить следы архаичной культуры: надежду на магические практики, поклонение идолам науки и ее признанным жрецам. Последующее разочарование повлекло за собой недоверчивое, или безразлично-снисходительное отношение к результатам социологических исследований и к науке в целом.

С точки зрения власти, социология не исполнила возложенных на нее практических (полицейских) задач. С точки зрения одних социологов, власть игнорировала их рекомендации и препятствовала их профессиональной деятельности. С точки зрения их оппонентов, сложился симбиоз власти общественной науки, – одинаково полезный обеим сторонам, но разрушенный впоследствии внешними силами.

Мальцев К. А.,
к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИИК

Роман «Улисс» Дж. Джойса: мифология города

Можно сказать, что до «Улисса» о Дублине никто ничего не знал, если не считать общеизвестного – что это столица периферийной европейской страны, которая, живет, кажется, исключительно идеей национального самоопределения, в пику Англии. Роман Дж. Джойса в одночасье перевернул устоявшиеся представления и об Ирландии, и о городе как о замкнутой атмосфере, где свершаются драмы и трагедии исключительно частные и локальные. Панорама дублинской жизни показана в модернистском ракурсе – как эпический миропорядок, что и является основанием современного литературного мифотворчества. Склонность Джойса не просто гиперболизировать «сцены» городского быта, но онтологизировать эти фрагменты, превращать «бытовое» в «бытийное», хорошо различимы уже в ранних, предвосхищающих «Улисс» произведениях – «Портрете художника в юности» и «Дублинцах».

Бытие как всеприсутствие есть неотъемлемое свойство города. Оно определяется не направленностью социального действия, а полнотой эпического содержания. При характерной для Джойса натуралистичности повествования, Дублин представлен как фундаментальный художественный образ, стягивающий лоскуты фрагментов произведения в цельную композиционную ткань. Город всеприсутствует в каждом действии и в каждом персонаже; он задает мотивы и ситуации, сталкивает людей друг с другом, способствует их притягиванию и отторжению. Благодаря многообразию стилистических форм в романе и его лингвистическому изобилию мир города предстает то гипертрофированно масштабным, то сворачивается, атомизируется, сосредотачиваясь, тем самым, в еле уловимых флюидах мысли или узнаваемых деталях городского пейзажа. Дублин является не просто повествовательным фоном, но таким же главным героем произведения, как Блум или Стивен Дедал, функционируя в нем как особый миропорядок.

Мифологическую окраску (то есть, в известной степени, образность, поэтичность) придает городу характерный для Джойса (и для литературы модернизма в целом) прием возвеличивания незначительного – нюансов, деталей, зачастую даже бессобытийности. У. Эко отмечал,

что «...у Джойса мы встречаемся с полным приятием всех «глупых» актов повседневной жизни в качестве повествовательного материала. ...То, что прежде (в традиционном романе – *К. М.*) было несущественным, становится центром действия, в роман попадают уже не значительные вещи, но всяческие мелочи, вне их взаимосвязи друг с другом, в непоследовательном потоке их появления, мысли наряду с поступками, ассоциации идей наряду с автоматизмами поведения»¹²¹.

Значимость незначительного – одна из основ мифологии города Джойса. Грандиозная эпическая картина рождается из беспорядочного на первый взгляд нагромождения фактов, лишенных «иерархической организации» (*У. Эко*). Точность автора при воссоздании деталей городского ландшафта (улицы, магазины, лавки, заведения – в ассоциативной связи с судьбой персонажей) абсолютна, что неудивительно, поскольку Джойс активно использовал в работе справочник «Весь Дублин за 1904 год». Не случайно сам автор «Улисса» говорил: «Если город исчезнет с лица земли, его можно будет восстановить по моей книге». Ведущий отечественный исследователь творчества Джойса *С. Хоружий* называет это «принципом гиперлокализации»¹²². Но эта абсолютная достоверность не имеет ничего общего с документальностью. В действительности Джойс пишет психологический портрет города, конструируя его из автономных, разновеликих с точки зрения эпического содержания мифологем. Этому полностью соответствует как художественная самостоятельность каждого фрагмента, так и созвучие их, иногда отчетливое, иногда условное, гомеровской «Одиссее».

Джойс декларировал параллелизм «Улисса» с мифологическим эпосом Гомера открыто. Каждый из эпизодов романа есть продуманное, пусть намеренно гротескное и искаженное, то есть – вполне модернистское, отражение мотивов и сюжетов «Одиссеи». У каждого из главных героев – свой «гомеровский» прототип. В свое время *Т. С. Элиот* вообще отказал «Улиссу» в праве именоваться романом именно в силу преобладания в нем явных, вплоть до названия, признаков античной эпиче-

¹²¹ *У. Эко*. Поэтики Джойса. С.-Пб: «Symposium», 2003. С. 195.

¹²² См. послесловие *С. Хоружего* к изданию «Улисса» М.: «Республика», 1993. С. 552.

ской поэзии¹²³. Иное дело, что эпическая составляющая городской мифологии Джойсом как бы «ввернута внутрь» в сравнении с традиционной развернутой в пространстве эпосом Гомера. Путь гомеровского Одиссея можно при желании отследить по карте Средиземноморья и Адриатики. В романе же Джойса этому пути соответствует, скорее, путешествие мысли Блума (в виде внутреннего монолога) в хаосе интуитивных, мыслительных и ассоциативных конструкций сознания и подсознания, которые растворены в деталях дублинского пейзажа.

Модернистская мифология города не адаптирует античный миф к современности – но пользуется его сюжетно-фабульными универсалиями: Уход, Странствие, Подвиги и Возвращение героя. И у Гомера (возвращающийся в Итаку Одиссей), и в «Улиссе» (блуждания Блума, отчасти Стивена) «привязанность» персонажей и их действий к достоверной «местности» имеет не только локальный смысл, но соответствует миропорядку совершающей полный круг эпической истории.

Город – это живой, подвижный ландшафт, органически участвующий в странствии героя. Эту связь Джойс сделал практически телесной, особым образом связав с каждым эпизодом повествования определенный орган человеческого тела. Она просматривается и в одновременном противостоянии и притяжении города и героя: городской мир постоянно подбрасывает Блуму конфликтные и враждебные ситуации, но тот возвращается домой, только «впитав» в себя весь Дублин – в виде повседневных сцен в лабиринтах улиц, его музыкальной архитектоники и внутренних монологов, потоками струящихся по символически впечатанному в сознание городскому пейзажу.

Таким образом, Город, воссозданный на страницах романа Джойсом, можно охарактеризовать как пространственно-временной континуум. Во-первых, своеобразная «реставрация» Джойсом облика Дублина – своего рода «историко-ландшафтный дизайн» в рамках литературного процесса. Но насколько неоднородна, фрагментарна ткань повествования – настолько же изменчивым, подвижным оказывается и городской пейзаж. Ландшафт в романе «плывет», живет относительно самостоятельной жизнью, то есть автономной в той степени, в какой позволяет смысловые и стилистические особенности эпизода. В принципе, город

¹²³ См. Т. С. Элиот. «Улисс». Порядок и миф. // Иностранная литература. 1988, № 12. С. 226–228.

представлен в отношении «нового Одиссея» как враждебная, или, по меньшей мере, настороженно принимающая его среда. В этом Джойс полностью следует классическому образцу – конец странствиям, опасностям и соблазнам наступает по возвращении Одиссея-Блума домой.

В-вторых, в романе выдвинута собственная концепция феномена времени: его трансформация также происходит в соответствии с канонами эпического повествования. Оно подвергается эффекту сжатия и растягивания, при этом протяженность и «текучесть» времени зависит от степени насыщенности его промежутка действием. Так, в романе есть «места» событий (они же – дублинские «местечки», улицы и заведения), где действия как такового не происходит, вернее, оно отдано на откуп перемалыванию сознанием чувственных переживаний, работе мысли на ниве памяти. Тогда время как бы застывает, не в силах более растягиваться.

Собственно, мифологическое восприятие феномена времени, к тому же в несколько ироническом ракурсе, лежит в основании джойсовского модернистского эпоса. Десятилетнее странствие гомеровского героя сжато Джойсом в историю одного дня. Уход и Возвращение в «гиперлокализованном» пространстве городского мира – это приключение мысли и языка внутри сознания, а порой – и за его пределами.

Крохалева А. П.,
канд. искусствоведения, заместитель директора по научной и
творческой работе Уральский филиал Российской академии живописи,
ваяния и зодчества Ильи Глазунова (г. Пермь).

Христианская тема в творчестве современных пермских художников

В годы революции пермская традиция церковной живописи была прервана. В конце XX-начале XXI века художники Перми вновь обращаются к религиозным темам и сюжетам, продолжая и развивая важную традицию духовно-религиозных поисков русского искусства XIX – начала XX века [1].

Среди произведений современных пермских художников, посвященных христианским темам, можно отметить работы Т.Т. Нечеухиной – тонкого чувствующего и рефлексирующего мастера. Картина Нечеухиной «Постриг» (2013) посвящена важному церковному обряду – пострижению волос в знак принадлежности к церкви, «второму крещению». Постриг символизирует смерть человека, погребение и возрождение его в новом качестве, с новым именем. Отсечение волос, которые издавна являлись символом воли, означает, что вступающий на путь монашества теперь должен жить по воле Божьей, должен полностью отречься от мирской жизни. В отечественном искусстве к этой теме обращался известный мастер историко-религиозного жанра М. В. Нестеров («Великий постриг», 1898).

Главной темой в работе Татьяны Нечеухиной становится тема «столкновения» двух миров, размышления об их границах, о жизни и смерти. Ее произведение – не реалистичный рассказ о проведении обряда, в нем присутствует иносказательность, символичность, используется особый художественный язык. В большеформатной картине крупно, почти в полный рост, изображены два персонажа: инок и священник, совершающий обряд. Голова инока склонена, руки с длинными пальцами расслаблены и покорно сложены на коленях. Над ним, напоминающий хищную птицу, стоит священник с раскрытыми ножницами в руке. Острые лезвия ножниц указывают путь, по которому должен идти новопостриженный. Композиция динамична за счет резких диагоналей, центральная линия, напоминающая луч света, пронзает все

полотно, отделяя один мир от другого. Монохромный колорит, темный фон, неконкретизированное пространство приносят ощущение тревожности и дисгармонии.

Как и многих мастеров европейской живописи Татьяну Нечеухину привлек библейский образ Саломеи, сыгравшей роковую роль в судьбе Иоанна Крестителя. К этому сюжету обращались Сандро Боттичелли, Тициан, Рембрандт, Караваджо. Известный сюжет неоднократно интерпретировался в искусстве конца XIX–начала XX века (Гюстав Моро, Франц фон Штук, Обри Бердслей). В этот период образ Саломеи начинает трактоваться по-новому, благодаря Оскару Уайльду, который написал пьесу «Саломея» (1891). Уайльд относился к своей героине неоднозначно, представляя ее то воплощением чистоты, то вместилищем порока [2]. В работе «Саломея» Т. Нечеухина создает сложный психологический портрет иудейской царевны. Саломея изображается в трех различных состояниях. Тонкие бледные лица, наклоны голов, жесты, длинные неестественно загнутые пальцы, преобладающий в картине красный цвет, – все это создает многозначный, постоянно меняющийся в восприятии зрителя образ.

Обращаясь к религиозной тематике, современное искусство Перми вдохновляется местными традициям, прежде всего знаменитыми образами и сюжетами пермской деревянной скульптуры. Наиболее удачным за последние десять лет можно считать проект «Экспозиция» (2013) двух известных художников Михаила Павлюкевича и Ольги Субботиной, часто работающих в тандеме. Проект был представлен в музее современного искусства PERMM. Творческий и семейный дуэт «Павлюкевич-Субботина» – культовое имя в художественной среде города. Их работы находятся в Пермской государственной художественной галерее, во многих частных коллекциях, а также в экспозициях российских и зарубежных музеев.

Произведения на выставке были выполнены из текстиля, методом ручного шитья, вышивки и аппликации. Известные образы пермской деревянной скульптуры: *Христос в темнице*, *Распятие с предстоящими*, *трубящие ангелы*, *евангелисты* были созданы из суровой бязи, прошитой черной нитью. По словам М. Павлюкевича, в них «появилась некая новая материальность, родственная ощущениям от пластики богов, персонажи сами начали выстраивать среду». Были также показаны

акварельные работы из более раннего проекта М. Павлюкевича и О. Субботиной «Пермские боги».

К христианской теме часто обращался Е.Н. Широков, представитель искусства 60–70-х годов, народный художник РСФСР, известный зрителям как мастер светского портрета и исторической картины. В 1990-е годы – «переломную эпоху» – когда были сняты религиозные запреты и началось возрождение православия, Евгений Широков создал своеобразный «алтарь» из 40 портретов исторических деятелей, знаковых для русской культуры. В этот цикл вошли портреты Сергия Радонежского, Андрея Рублева, Стефана Пермского, протопопы Аввакума. Строгие сдержанные лица остро индивидуальны, но их объединяют вера, благородство, напряженные духовные поиски. Портреты Сергия Радонежского и Стефана Пермского приближены к традиционным иконографиям святых не только сюжетно-тематически, но и через язык живописи. Образы отличаются повышенной экспрессией, оказывают сильное эмоциональное воздействие.

Работу Е. Н. Широкова «Божья Матерь Державная» (1993) отличает крупный формат, завершающийся в форме полукруглой арки, монументальность фигур, декоративность цвета и неглубокое замкнутое пространство. Тревожное движение света, акцентированное на складках одеяния Богоматери и младенца Христа, жесткие остроугольные линии, контрасты интенсивного холодного красного и зеленого цвета придают образам драматичность. Созданные Широковым работы не точно укладываются в традиционные иконописные каноны, но не теряют главное – иконографическую и догматическую основу, не превращаются в светскую чувственную живопись.

Христианские темы и сюжеты представлены и в произведениях совсем молодых пермских художников, выпускников и студентов пермских художественных вузов. Академическая школа невозможна вне религиозной тематики [3], поэтому лучшие традиции реалистического искусства и академического образования, особенное внимание к церковно-исторической тематике поддерживаются в Уральском филиале Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова и Пермском государственном институте культуры.

Проблемы веры, долга и любви к родной земле становятся предметом размышления при выполнении многих курсовых и дипломных работ, созданных за последние десятилетия.

Значительны дипломные работы, посвященные св. Стефану Пермскому, сыгравшему большую роль в христианизации Пермского края. Это работы выпускников и преподавателей Уральского филиала РАЖВиЗ Ильи Глазунова Татьяны Нечеухиной, Максима Каёткина, Алексея Фомичева, Анастасии Клейменовой. Т. Нечеухина в работе «Стефан Великопермский и жрец Пама» (1994) использует прием контраста, противопоставляя образ Стефана Пермского языческому жрецу. Она укрупняет фигуры так, чтобы был виден освещенный светом благородный лик Стефана Пермского, а Пам изображается в профиль, его фигура показана со спины, против света. Большое внимание уделяется жестам и позам, Пампоказан в сложном движении, языческого танца. В работе М. Каёткина Стефан Пермский изображен в момент строительства церкви в честь Архангела Михаила на берегу реки Вычегды в Усть-Выме, на месте поселения коми-зырян, где он срубил «прокудливую березу». В курсовой работе Фомичева изображен момент спора Стефана Пермского и Пам, в котором Пам не сумел победить. Язычник изображен с хитрым лицом в характерной одежде с многочисленными амулетами. Ему противопоставлен благородный возвышенный облик св. Стефана. При сохранении реалистичности форм, авторы идут от иконописных традиций, используя не только композиционный ход иконы, но и особенности иконной, просветленной и «благотельной» характеристики.

Большеформатная, дипломная работа того же автора (А. Фомичева) посвящена величайшему подвижнику земли Русской – Сергию Радонежскому. Преподобный Сергей благословляет Дмитрия Донского и его войско на борьбу с Мамаем. Подчеркивается роль Сергия Радонежского в укреплении духа русских людей, объединении их перед лицом врага.

Теме духовного подвижничества посвятила свою дипломную работу Татьяна Дубинова. Она назвала свою работу «Батюшка». Ее впечатлили события в Красноуфимске, сильнейшее наводнение, произошедшее в 1914 году и то, какую роль сыграла в этом местная церковь. На картине изображен священник, переплывающий на лодке широко разлившуюся реку. Его лодка направляется к Александро-Невскому храму. Художник создает собирательный образ сельского батюшки, который в любую

погоду, в любых условиях остается для прихожан храма проповедником, духовным наставником и помощником.

Дипломная работа Ольги Ярмухаметовой «Рассвет» посвящена теме трагического противостояния православной церкви и советской власти в годы революции. Название работы символично, рассвет не приносит радости и счастья, он является скорее символом гибели и заката православной церкви в сложную эпоху.

К религиозной теме, в рамках портретного жанра, обращается Олеся Денисова. В дипломной работе «Портрет о. Стефана» (2012) художник не только стремится достичь внешнего сходства, но и ставит целью передать масштаб личности священнослужителя, архимандрита Стефана (Ивана Григорьевича Сексяева) рассказать о его подвижнической деятельности. Композиционная подача фигуры служит раскрытию содержания образа, его психологии. Чувствуется, что о. Стефан наделен силой и энергией, необходимой для подвижнической деятельности. Работа сдержанна по цветовому решению, но в то же время отличается тональным разнообразием.

Необходимо отметить и работу выпускника Уральского филиала академии Ивана Волкова «Архиепископ Андроник» (2018). Годы служения владыки Андроника на Пермской земле стали для Пермской епархии временем расцвета. Архиепископ был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года для общецерковного почитания. Иван Волков изображает Андроника накануне его безвременной и страшной гибели, заключенного чекистами в тюремную камеру. Молодому художнику удалось создать образ стойкого, духовно-несломленного, очень мужественного священнослужителя.

Тема крестного хода – одна из самых сложных тем в современном искусстве. Обращаясь к ней, молодые художники опираются на традиции русской реалистической живописи, в первую очередь, на работы И. Е. Репина и В. Г. Перова, однако, без критической направленности их знаменитых произведений. Картины создают не столько картину русского религиозного шествия, сколько образ духовного возрождения народа. Они имеют явно оптимистическое, жизнеутверждающее значение. Можно отметить дипломные работы Л. Малышевой («Крестный ход на Белой горе»), А. Швецова («Крестный ход в Великорецке»), Т. Котеговой («Крестный ход в Ныробе»).

Иногда выпускники Уральского филиала академии обращаются к известным библейским сюжетам, которые уже «прозвучали» в работах великих мастеров. Д. Коломеец в дипломе «Тайная вечеря» (2017) уходит от традиционной классической трактовки образа Иисуса Христа, Иуды и апостолов. Он ставит и успешно решает сложнейшую задачу освещения изображенных лиц и полуфигур неярким светом лампы, пытается передать суть происходящего события, эмоциональное состояние персонажей через их взгляды, жесты, позы. Александр Греков необычно трактует тему «Оплакивание Христа». Работа получилась очень экспрессивной, наполненной трагизмом и безысходностью.

Очень часто в произведениях молодых мастеров появляется образ храмового зодчества Прикамья. Это не случайно, поскольку культовая архитектура является яркой страницей художественной культуры и истории региона. Храмовая архитектура региона также представлена в работах М. Брызгаловой, С. Гариповой, Л. Малышевой, А. Мургина, К. Николаева, С. Подреза, Е. Путилова, А. Седова, А. Усатова, А. Фомичева.

Через образ храма Сергей Подрез выразил в дипломной работе «Верхотурье. 1914 год» свое переживание и свое осмысление важнейшего исторического события – начало Первой мировой войны. Уральское село Верхотурье и Свято-Николаевский собор показаны с высоты птичьего полета. В центре – многолюдное собрание: молебен перед отправкой на фронт будущих солдат-жителей, который проходит у стен храма. Наиболее детально, пластично и выразительно прописан собор, над золотыми крестами которого реют черные вороны – предвестники трагических дней.

Светлана Гарипова создала серию дипломных работ – пейзажей (5 работ), посвященных Благовещенскому собору в селе Покча (Чердынского района), показав его с разных точек зрения и в разное время суток. В целом ей удалось передать трагичное противостояние энтропийного действия времени и созидательного гения человека.

Время духовного самосовершенствования, освобождения от всего ненужного и бесполезного, время мысли и молитвы Максим Каёткин передает через состояние природы в серии работ, посвященных церковным праздникам. На одной из работ «Великий пост» изображена небольшая пятиглавая церковь с колокольней, типичная для небольших городов Прикамья.

Сияние золотых куполов на фоне голубого неба передает Е. А. Постнова в небольшой этюдной работе «Глубокое синее, золотое» (2012). Художника Н. П. Береснева привлекает чистота и ясность линий в церковной архитектуре, восхищение которой он передает в небольших по формату работах «Этюд (с церковью)» (2012), «У ворот Богоявленского монастыря» (2013).

Неравнодушное, трепетное отношение пермских художников к теме православия сказывается в личностном воплощении образов, в эмоциональности письма, в стремлении высказать свое представление о русской святости, о подвижниках православной церкви, о замечательных храмах, украшающих нашу землю. Произведения молодых мастеров, созданные в лучших традициях реалистического искусства, отличается глубина размышлений и искренняя любовь к родному краю. Сегодня важным становится осмысление истории России как православного государства, тем более что религиозные темы в течение долгого времени находились под запретом. В современном постоянно меняющемся мире людям необходимы духовные опоры, которые могли бы придать устойчивость и прочность их существованию. Обращаясь к прошлому, к православию, к его истории и ценностям, молодые художники говорят о настоящем, они воспринимают те ценности и транслируют тот духовный опыт, без которого невозможна современная эпоха.

Литература:

1. Вагнер Г. К. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников сер. XIX–нач. XX века. – М.: Искусство, 1993. – 175 с.
2. Жак де Ланглад. Оскар Уайльд, или Правда масок. // URL: <http://detectivebooks.ru/book/27214202/?page=41> (дата обращения: 18.12.2016).
3. Лентяшин В. А. Реализм в отечественной живописи второй половины XX века – почва и судьба. / Академические мастер-классы для художественных училищ России / Материалы I Всероссийской конференции 3-5 октября 2013 года. – СПб, 2013. С. 16–22.

Сведения об авторах

Болотова Елена Владимировна – преподаватель кафедры культуры и философии ПГИК;

Бородина Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры культурологии и философии ПГИК;

Дюкин Сергей Габдульсаматович – к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК;

Жуковская Татьяна Фёдоровна – с 1979 по 2005 гг. работала в ПГИК, преподавала зарубежную литературу, на данный момент заместитель директора ЧОУ ПО «Западно-Уральский горный техникум»;

Казанков Александр Игоревич – к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК;

Каменских Алексей Александрович – к. филос. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ;

Клягина Галина Сергеевна – специалист по учебно-методической работе деканата художественно-педагогического факультета, ПГИИК, 2001–2012;

Крохалева Анна Петровна – к. искусствоведения, заместитель директора по научной и творческой работе Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (г. Пермь);

Лейбович Олег Леонидович – д. ист. н., профессор, зав. кафедрой культурологии и философии ПГИК;

Лобанов Сергей Дмитриевич – д. филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии и общественных наук (2001–2015);

Мальцев Константин Альбертович – к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК;

Моисеева Анна Александровна – супруга П. А. Моисеева, публикатор его работ; к. филол. н., доцент кафедры русской литературы ПГНИУ;

Моисеев Петр Алексеевич – к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК;

Пащак Игорь Владимирович – к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК;

Пащак Мария Анатольевна – специалист УМККОД ПГИК;

Ярушина Ксения Андреевна – зав. кабинетом кафедры культурологии и философии ПГИК

Научное издание

«ЖИВАЯ ПАМЯТЬ»

**Сборник статей, посвященный
Т. Н. Лепоринской и П. А. Моисееву**

Технический редактор: Е. В. Болотова
Подписано в печать 10.08.2021
Формат А5. Усл. п. л. 6,74,. Тираж 100 экз.
Гарнитура Times New Roman. Заказ 23/2021

Редакционно-издательский отдел УНИД
Пермского государственного института культуры
614000, Пермь, ул. Советская, 102, оф. 101

Отпечатано в типографии «Новопринт»
Адрес: 614000, г. Пермь, ул. Клименко, 1, оф. 13
Тел.: (342) 204 5 992